

Глава вторая ПОД СТАРОЙ РУССОЙ

1. Рождение полка

- Вам в Могилу? - спросил младший лейтенант, с которым свел меня дежурный помощник военного коменданта станции Владимир.

Видя мое смущение, он, улыбнувшись, переспросил:

- Вы ведь в 239-ю бригаду? Штаб ее в деревне Могила, километров десять от города в сторону Москвы.

- Да, в бригаду.

- Тогда поехали! - проговорил он, приглашая в кабину полуторки, кузов которой был занят парнями в штатской одежде. - Я тут встречал команду призывников для своего мотострелкового батальона.

Так вечером 13-го сентября 1942-го года я прибыл во вновь организуемую танковую бригаду на должность начальника штаба. Через несколько дней она была перемещена решением командования Костерявского учебного танкового лагеря, в число формирований которого входила, в более емкое и удобное место - село Боголюбово, в десяти километрах на восток от города Владимира.

Командиром бригады был назначен сорокалетний подполковник И.Н.Ершов. Небольшого роста, коренастый, с приветливым взглядом голубых глаз, он располагал к откровенному и непринужденному разговору. Кратко расспросив о службе, образовании и участии в боях, Иван Николаевич сказал:

- Мы с комиссаром здесь уже полмесяца. Нам всем, считайте, повезло: штаб образовался раньше батальонов, значит, есть кому формировать и обучать бригаду.

- Каким временем мы располагаем?

- Фронтам на юге тяжело, там нужны резервы. С момента получения танков, надо думать, больше трех-четырёх недель не дадут.

В эти дни, как и год тому назад, в Москве, когда фашисты к ней рвались, все мы с тревогой смотрели в сторону Сталинграда и Кавказа, куда враг продвигался.

Позже узнал, что Иван Николаевич в прошлом - уральский рабочий, уже более 20-ти лет служит в Красной Армии, с 1929-го года - в танковых войсках. Последовательно пройдя службу от командира танка до командира танковой бригады, приобрел большой практический, а в боях с гитлеровцами - и боевой опыт, вполне восполнявшие его скромное курсовое образование.

Здесь, в отличие от предыдущей бригады, заместитель и помощники начальника штаба подобраны более подготовленные: все они окончили нормальные училища и имели боевой опыт. Это позволило мне заниматься боевой подготовкой повседневно: горький урок слабой выучки подразделений предыдущей бригады не забывался.

С прибытием маршевых танковых рот были укомплектованы танковые батальоны, и боевая подготовка развернулась во всю ширь. К большой радости, бригада комплектовалась средними танками Т-34 и легкими Т-70 советского производства.

Направление и темп всему учебному процессу задавал командир бригады; находили у него поддержку и инициативы штаба. Он поддержал, например, предложение штаба провести вслед за обычными учениями и учения с боевой стрельбой.

- Хотя бы ротные учения с боевой стрельбой провести - уже успех, - говорил он при рассмотрении плана. - Но где? Не везти же танки за сто с лишним километров по железной дороге в Костерево.

- Попытаемся найти место где-нибудь поближе, - пообещал я.

В поисках района для стрельб мы с заместителем начальника штаба капитаном В.М. Контрибуцием остановили свой выбор на обширном колхозном лугу, в излучине реки Клязьмы, на противоположном берегу которой находился лесной массив глубиной 5-6 км, обеспечивавший минимальное излетное пространство для снарядов.

За получением разрешения обратились к председателю колхоза, а затем вместе с ней посетили председателя сельсовета. Обе женщины пошли нам навстречу.

- Только земляные валы между лугом и селом не трогайте, - потребовала председатель сельсовета. - Они вместе с монастырем объявлены памятником старины.

- А что тут было? - спросили мы.

- Дворец Андрея Боголюбского в окружении валов и рвов с водой на берегу Клязьмы, которая тогда протекала рядом, а затем отошла. Монголы в XIII веке его разрушили. Сохранились здания монастыря и церкви, а от дворца - одна из башен, в которой у нас находится музей, носящий имя князя.

С некоторыми ограничениями, которые существенно не повлияли на качество, удалось выполнить на этом лугу все стрельбы и ротные учения с боевой стрельбой. Предварительно нами было вывезено на колхозные фермы заготовленное и состогованное сено.

А музей заинтересовал. Несмотря на занятость, я и Виктор Мефодьевич в тот же день отыскивали учительницу, которая ведала музеем, побывали в нем и послушали ее рассказ.

И только тут до меня дошло, где мы находимся. Проездом видел богатство архитектуры Владимира и вот - Боголюбове! Это же центр Владимиро-Суздальской Руси, одна из жемчужин нашего древнего наследия! Читал, помню, но из-за ратных забот чуть не прошел мимо.

В эти дни уже начались поездки личного состава для ознакомления с историей и архитектурой города Владимира; был к этому подключен и местный музей.

В октябре с командирами штаба побывал во Владимире и я. Впечатление от увиденного осталось на всю жизнь. А какие чувства вызвало это соприкосновение с памятниками старины у воинов, вскоре узнал в разговоре с танкистами.

- Сначала здесь мы вроде ничего особенного не замечали. А теперь для меня Владимир и Боголюбове так же близки, как родная Рязань, - ответил сержант, командир башни.

- Да и мне - тоже. Я как будто побывал на своей Смоленщине, - высказался механик-водитель. - Душа изболелась за такую же великую нашу красоту. Крепостная стена, красавец-собор, называющийся тоже Успенским, как во Владимире - это только в Смоленске! Небось, еще злее разграбили и порушили все это фашисты, чем монголо-татары вот здесь, семьсот лет назад.

Месяц продолжалась подготовка комсостава и специалистов и боевое слаживание рот и батальонов. Но неожиданно многое из того, что делалось, особенно по тактической выучке батальонов, пропало зря. С 18-го по 20-е октября по распоряжению из центра мы бригаду переформировали в танковый полк. Это, конечно, вызвало разочарование: ведь по степени обученности она была уже близка к тому, чтобы вступить в бой.

Полк имел ротную организацию: две роты средних, рота легких танков и несколько подразделений обеспечения; вместо 65-ти танков теперь было 39, в том числе 23 средних. Командование бригады стало командованием полка с небольшими перемещениями: я был назначен заместителем командира полка, капитан Контрибуций - начальником штаба, военком, старший батальонный комиссар С. В. Коллеров - заместителем командира по политической части.

Без существенного перерыва, в прежнем темпе было продолжено обучение подразделений, но по измененной тематике, обусловленной предназначением полка - непосредственная поддержка пехоты. Но принятое ранее направление в боевой подготовке - сочетание тактических действий с боевой стрельбой и управлением огнем - сохранилось.

(Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9-го октября 1942-го года было установлено полное единоначалие и упразднен институт военных комиссаров в Красной Армии. В частях и соединениях вводились заместители командиров по политической части).

А утвердиться в целесообразности такого направления нам помог начальник учебного танкового лагеря генерал-майор танковых войск С.И.Богданов. Он неожиданно прибыл на первое батальонное учение еще в ходе обучения бригады. Встретаться с ним до этого еще не приходилось, но по характеру его приказов и слухам было известно, что начальник лагеря весьма суров.

После просмотра одного из этапов учения, в ходе которого по его требованию был повторен один из эпизодов, перед наступлением с боевой стрельбой, генерал спросил командира бригады:

- Так у вас и с боевой стрельбой будет наступление?

- Да, стреляют одна танковая и приданная батальону мотострелковые роты; другая танковая рота - атакует без стрельбы, так как из-за узости полосы не обеспечивается безопасность.

- А вот в Костерева бригады находятся рядом с полигоном, но не делают этого. Теперь-то я их заставлю!

И эта атака прошла организованно, в высоком темпе, с хорошим поражением целей. В конце учения, объявив благодарность подразделениям, генерал Богданов сказал:

- Учением я доволен. Направление в боевой подготовке правильное, его и держитесь.

Оценка опытного танкиста ободрила нас. А слухи о чрезвычайной суровости Семена Ильича нам показались преувеличенными. В конечном счете, мы не обманулись в своем впечатлении. Вскоре он снова убыл в Действующую армию, командовал танковым и механизированным корпусами, а с 1943-го года - танковой армией, стал дважды Героем Советского Союза и маршалом бронетанковых войск.

Существенные поправки в тактическую подготовку были внесены с поступлением в конце октября приказа Народного Комиссара обороны № 325. Он вскрывал недостатки в использовании танковых и механизированных войск, определяя порядок их применения. Что касается танковых частей, предназначенных для поддержки пехоты, то требовалось, чтобы танки не отрывались от пехоты, не теряли с ней взаимодействия, больше маневрировали и вели огонь с ходу. Приказ обязывал также улучшить поддержку танков огнем артиллерии.

Если до сих пор своих танкистов мы учили не оглядываться на мотострелков в атаке, стремительно продвигаться вперед, а мотострелковые подразделения не отрываться от танков, то теперь требовалось другое: ожидать пехоту, маневрируя, пока она не подойдет на 200 метров.

Перед нами остро встал вопрос о проведении учений с пехотой и артиллерией. Начальник штаба связался со штабом лагеря и затем доложил командиру полка:

- Мне ответили, что стрелковых и артиллерийских частей нет даже в пределах ста километров.
- А я рассчитывал, что найдутся, - разочарованно проговорил подполковник Ершов. И, подумав, решил:
- Будем обозначать пехоту сборной командой из подразделений обеспечения. Артиллерию обозначим наблюдательным пунктом. Другого выхода, чтобы как-то почувствовать танковым ротам взаимодействие, у нас нет.

Быт полка строился по-полевому, как это предписывалось командованием танкового лагеря. Подразделения, кроме штаба, стояли вне населенных пунктов. Рано начавшиеся холода не застали нас врасплох. Помощник командира полка по снабжению капитан Илья Семенович Африн, человек весьма организованный и заботливый, вовремя доставил теплые вещи и зимнее обмундирование. Для личного состава были оборудованы полуземлянки с нарами и печами, покрытые танковыми брезентами. Танки и автомобили стояли в окопах, а горячая вода и масло для их заправки содержались внутри передвижных водомаслогреях.

Взаимоотношения между личным составом и населением были дружескими. Полк часто приходил на помощь окружающим его колхозам. По вечерам командиры, а в часы увольнения - и сержанты, и красноармейцы посещали в местных клубах кино и танцы. Поэтому полной неожиданностью явилась жалоба председателя одного из колхозов, человека пожилого.

- Обижают танкисты наших мужиков, капитан, говорят, мол, прячутся от войны за валенками. Нехорошо!
- Как понимать "за валенками"?
- Валенки мужики-то для армии катают, на десятки каталей (так здесь называли катальщиков) военкомат наложил броню. Шерсть им привозят и план установлен. Да всем им под сорок и более. Сыновья у многих на фронте. Обидно им.

Успокоившись, добавил:

- Ремесло это у нас потомственное. В старину горожан обували, даже москвичей.

Обидчиков - а это был экипаж во главе с младшим лейтенантом - я доставил в деревню, в семью, которую указал мне председатель, так как с детства знал, видя работу своего дяди, как нелегко катать валенки. За работой мы застали обливавшихся потом двух братьев и их отца, которому, видимо, шел седьмой десяток, и в углу избы детей, перебиравших свалывшуюся шерсть. От котла, вытаскиваемых из него и прокатываемых заготовок клубился пар, смешиваясь с исходящим от шерсти запахом скотского пота.

Представившись и пожелав успеха, я начал разговор:

- Какая и кем вам установлена норма?
- Известно кем, военкоматом и райисполкомом, две пары в день на мужика, - ответил один из братьев.
- Оно бы ничего, две-то пары, да ведь коровий и лошадиный волос - разве шерсть? - продолжил второй брат.
- Шерсти-то овечьей - одна шестая часть. Паришь, паришь волосья эти, мнешь, мнешь их железным вальком, пока прикатаешь к колодке.

Экипаж молча наблюдал их работу, которой нельзя было не любоваться. Я молчал. Наконец, командир танка, краснея, принес извинения. А затем, покурив с катальщиками, мы дружески расстались.

При возвращении сначала молчали, а потом заговорил механик-водитель:

- Да, мастера! Работа тяжелая, большой сноровки требует, но как ее делают! Любо смотреть.
- Расскажите это своим товарищам по роте, - попросил я. И хотя убеждать их уже не требовалось, добавил: - Фронту нужны не только танки, но и валенки. Их женщины не скатают. К тому же по возрасту это - вам отцы, у них сыновья на фронте.

На второй день октябрьского праздника мы начали трехдневное полковое тактическое учение с участием проверяющих из штаба лагеря. Полк совершил ночной марш протяженностью 60 километров, провел дневное и ночное наступление и на последнем этапе оборонялся. О хорошей слаженности полка говорили: высокая скорость марша; организованные и быстрые развертывания; четко работавшая радиосвязь и ни разу не нарушившееся управление. С таким мнением и ушли проверяющие. А в моей памяти: фашистский танковый батальон с его искусным маневром на Брянском фронте. И подумалось: у нас получается уже не хуже. А командир полка озабоченно проговорил:

- Мы, считай, неплохо спелись, но будет ли наш голос созвучен с голосом пехоты?

В середине ноября полк погрузился и двумя эшелонами убыл в Действующую армию.

2. В тесном взаимодействии с пехотой

В ночь на 16-е ноября 1942-го года эшелоны полка прибыли на станцию Крестцы - конечную станцию на ветке, отходившей от железнодорожной линии Бологое - Старая Русса. Полк вошел в состав войск 11-й армии Северо-Западного фронта.

Знакомство с особенностями района, где предстояло действовать, состоялось в ходе 90-километрового марша, совершенного двумя ночными переходами. При этом колонна танков во главе с командиром полка следовала по отдельному маршруту, а колонна колесных машин, которую вел я, по автомобильной дороге.

Дорога представляла собой сочетание грунтовых участков с пересекавшими болота бревенчатыми эстакадами длиной от полукилометра до пяти. Эстакады имели две колени, соответственно под правые и левые колеса машин, и были рассчитаны на одностороннее движение с остановками для пропуска встречных колонн. Скорость движения нашей колонны в этих условиях, к тому же в снежную ночь, составила лишь шесть километров в час.

На привале, после моего доклада подполковник Ершов не без сожаления произнес:

- Повезло нам! Думали о Сталинграде, а попали в леса и болота к озеру Ильмень.
- Придется учиться многому заново, особенно вождению танков, - сказал я.
- Само собой, было бы только время.

И южнее станции Беглово, где по окончании марша сосредоточился полк, наряду с устройством землянок для людей, окопов для техники и маскировкой, было организовано обучение вождению танков по болотистому грунту.

Уже в день сосредоточения из штаба автобронетанковых войск армии были получены описания и справки, касавшиеся местности, противника и отражавшие опыт действий танковых войск в данном районе.

Предварительное ознакомление с местностью по картам и описаниям не обрадовало. Болота занимали основную часть территории. Они соседствовали с большим числом рек, речек, ручьев, имевших заболоченные, а частью и обрывистые берега. Преодоление водных препятствий без специальной подготовки исключалось.

Дорог с твердым покрытием не было. Войска расчищали от снега и содержали пути вдоль проселков и троп, которые при усилении фашинами и промерзании обеспечивали движение автомобилей. Местность позволяла двигаться танкам главным образом по прилегающим к дорогам узким полосам с небольшой скоростью.

Справочный материал позволил уяснить, что войска 11 -й армии вели бои с группировкой противника, занимавшей так называемый Демянский плацдарм. Он образовался в зимне-весенний период 1942-го года и представлял собой глубокое, до 75-ти километров, и широкое, до 40-а километров, вклинение главных сил 16-й фашистской армии на восток, соединявшееся со старорусской группировкой гитлеровцев коридором, имевшим минимальную ширину до 12 километров и получившим название Рамушевского.

Фронт войск армии, дугообразно выгнутый в сторону противника, упирался в коридор и плацдарм с севера. Поэтому противник от района сосредоточения полка был с трех сторон. На юго-запад и юг передний край его обороны проходил северо-восточнее и восточнее населенных пунктов Туганово, Сорокино, Вязовка (схема № 2); в 12-14-ти километрах, на восток - по западным окраинам населенных пунктов Пустыня, Кневицы, в 7-8 километрах.

Гитлеровцы подготовили прочную, глубококошелолированную оборону, насыщенную деревоземляными фортификационными сооружениями.

И характер обороны, и малодоступность местности побуждали нас глубоко изучить опыт действий танковых частей и подразделений. Однако в полученных документах мы не нашли главного: какие специфические способы и приемы тактических действий и стрельбы танковых подразделений здесь выработаны?

- Надо думать, в танковых частях, действующих здесь продолжительное время, накоплен определенный опыт. Следует разузнать, - приказал командир начальнику штаба, ознакомившись с материалами штаба АБТВ. - Не менее важно знать приемы и способы эвакуации застрявших танков, - нацелил он помощника по технической части капитана В.С. Яншина.

И через пару дней командиры подразделений, а через них - все экипажи были ознакомлены с тем, что было сообщено нам специфического воевавшими здесь соседями.

С ноября 1942-го года по февраль 1943-го года 239-й танковый полк четырежды участвовал в наступательных действиях, продолжавшихся от пяти до двадцати суток, и всякий раз до потери почти всех танков.

Перед первым ноябрьско-декабрьским наступлением командование, штаб и командиры рот изучили местность в районе, эпицентром которого была деревня Горбы. Оказалось, что как Горбов, так и других сел и деревень в этом месте либо нет, либо от них осталось по одной или две постройки. Еще предыдущей зимой при отходе фашисты их сожгли. Кроме того, из деревень, находившихся в 25-километровой прифронтовой полосе, во второй половине октября было эвакуировано население.

Подготовка наступления началась с получением 26-го ноября боевого распоряжения заместителя командующего по АБТВ полковника Александра Васильевича Кукушкина, согласно которому полк без одной роты придавался на усиление 170-й стрелковой дивизии, а одной ротой - 126-й стрелковой бригаде.

170-я стрелковая дивизия ударом в направлении Обжино, Софронково должна была прорвать оборону и к исходу второго дня наступления выйти к реке Пола на участке Городок, Колома. Она входила в ударную группировку и тесно взаимодействовала с дивизией, наступавшей справа. Прорывавшая же оборону 126-я бригада на участке Ольховец, Вязовка поворачивала на юго-восток и к концу второго дня наступления выходила к Баракам Багрово, прикрывая левый фланг ударной группировки. Ее наступление имело вспомогательное значение.

Было ясно, что силы небольшого по составу полка расплывются. На решающем этапе наступления, при прорыве обороны, удар танкового полка на главном направлении ослаблялся в два раза. К тому же в ослабленном

составе полк по решению командира дивизии должен был поддерживать атаку двух стрелковых полков - 422-го и 701-го.

В связи с таким положением подполковник Ершов попросил полковника Кукушкина присоединить 2-ю роту к полку, но он ему в этом отказал, сославшись на решение командарма. Тогда Иван Николаевич обратился к командиру дивизии полковнику Ушакову:

- Степан Игнатьевич, поскольку наш полк располагает одной ротой Т-34, то целесообразно назначить его на поддержку одного стрелкового полка. Это облегчит взаимодействие с пехотой и артиллерией.

- Без танков пехота в атаку может не пойти. Впереди ее надо иметь танки в обоих полках, - настоял комдив.

Со 2-й танковой ротой в 126-ю стрелковую бригаду на организацию боя командир полка направил меня. В штабе бригады, наряду с боевыми задачами, мы с командиром роты нанесли на карты сведения о противнике. Значилось, что в полосе предстоящего наступления у него обороняется пехотный батальон 174-го пехотного полка 81-й пехотной дивизии, но конкретных данных об огневых средствах, особенно противотанковой артиллерии, не было. Единицами были выявлены деревоземляные огневые точки (ДЗОТ), блиндажи и места минирования.

- Сколько времени бригада на этом участке обороняется? - спросил я начальника разведки.

- С начала октября.

- То есть почти два месяца. Сколько же надо времени, чтобы противостоящего противника разведать?

Он пожал плечами.

Затем начальник штаба представил нас командиру бригады. В прочно сделанной, с несколькими накатами землянке, подтянутый, среднего роста принял полковник. Это был Федор Васильевич Карлов.

- Рота должна поддержать атаку 2-го и 3-го стрелковых батальонов в направлении Вязовки, Сафронково завтра с утра, то есть 27-го. Готовность сегодня к 24-м часам. Вам это ясно?

В первое мгновение не поверил, было, ушам своим, но, собравшись с мыслями, решительно сказал:

- На подготовку к наступлению нам нужно три дня, а не три часа светлого времени, которые останутся, когда прибудет сюда рота.

- У вас полдня и ночь, готовьтесь. Это - не мое решение, а командарма.

- Надо попросить отсрочку, товарищ полковник.

- Товарищ капитан, я не привык обсуждать решения старших начальников!

Понимая, во что обойдется экипажам неподготовленная атака, я уже думал не о субординации, а возможной беде.

- Надеюсь, вы и посылать в атаку танки не привыкли без изучения экипажами противника и местности, без организации взаимодействия с вашими батальонами, то есть не для прорыва, а для того, чтобы они сели в болоте и сгорели.

- Эти вопросы поможет вам решить штаб, - с раздражением ответил он.

Попытка связаться по телефону с подполковником Ершовым не удалась: он был в поле. Тогда я связался с полковником Кукушкиным и попросил дать время хотя бы до конца дня 28-го ноября.

- В добавке двух суток отказано. До Карлова, видимо, еще не дошло то, что на подготовку добавлены сутки. Вы располагаете временем до 24-х часов завтра, 27 ноября.

Ни тогда, ни позже ничего не вскрылось такого, что вынуждало бы готовить наступление в спешке, а она привела к неполному и поверхностному решению многих вопросов.

Удалось добиться согласия на поддержку не двух, а одного стрелкового батальона. Это был 2-й батальон, куда мы и отправились. С командиром его, тоже капитаном, провели рекогносцировку, а на следующий день - организацию взаимодействия.

Был мороз 8-10 градусов, шел небольшой снег. По лесу раздавалось, отражаемое деревьями, необычайно громкое эхо пулеметных очередей и разрывов снарядов и мин. Шла нечастая перестрелка.

Сначала рассмотрели оборону противника в лесу, выйдя к своему переднему краю по наторенным тропам. Обими сторонами здесь были построены непрерывно тянущиеся бревенчато-жердевые заминированные заборы и завалы с искусно замаскированными окнами для стрельбы, прикрывавшие окопы и движение даже в рост. Затем с опушки леса изучили местность и оборону гитлеровцев в поле. Впереди было открытое пространство, расширяющееся в сторону противника, глубиной около километра, в конце которого просматривалось несколько сохранившихся построек деревни Вязовки. Изучив местность в бинокль, говорю комбату:

- Карта точная. Весь участок местности левее деревни - заболоченный; там из снега торчат камыш и редкие кусты. А вот ручей справа имеет по берегам ольху и высокие кусты, значит, его берега не заболочены. Выходит, что танки могут пройти в полосе, включая деревню и правее, до леса.

- Понятно.

- Тогда вы должны согласиться с тем, что ваш батальон должен центром наступать не на деревню, как приказано, а правее, в полосе, проходимой для танков?

- Да, конечно, - подумав, ответил комбат.

- Прошу об этом доложить комбригу.

В 200-х метрах северо-западнее деревни четко и картинно просматривались три ДЗОТа.

- У вас не возникало подозрения, что они ложные? Когда и из какого оружия из них ведется огонь?

- Пулеметную стрельбу замечали по утрам, а пушечной не было.

Комбат считал, что в полосе наступления батальон встретит в обороне до пехотной роты фашистов, но не имел данных о противотанковых средствах.

На обратном пути побывали в двух солдатских землянках, добротных построенных из срубов, с двумя накатами и железными или из камня печурками. Я высказал комбату восхищение.

- А у фашистов блиндажи лучше, чем наши землянки.

- Вы их видели?

- Я - нет, но в захваченных к западу от Горбов бывали другие наши комбаты и артиллеристы.

- Не найдется ли в землянках место нашим экипажам во второй половине ночи?

- Конечно. Ночью большая часть батальона - на позициях, много землянок пустует.

Уже в сумерках и ночью экипажами были выбраны и обозначены колонные пути взводов к опушке леса, а с утра следующего дня вместе с саперами бригады на заболоченных местах оборудованы деревянные настилы и мосты через ручьи.

На рассвете второго дня в присутствии начальника оперативного отделения штаба бригады мы с комбатом организовали на местности взаимодействие между стрелковыми ротами и танковыми взводами, а в середине дня - с командиром артиллерийского дивизиона.

Тут следует вернуться к одному вопросу, прояснившемуся еще накануне. На поддержку двух стрелковых батальонов, наступавших в районе Вязовки, был назначен один дивизион 76-миллиметровых полковых пушек, снаряды которых обладали незначительным могуществом. А ведь только на подавление опорных пунктов и разрушение ДЗОТов в полосе 2-го батальона требовалось не менее двух дивизионов. Поскольку артиллерия, поддерживающая стрелковый батальон, поддерживает и танковую роту, то я просил комбрига, как в первый день, так и вечером второго дня прибавить артиллерию.

- Артиллерию я просил, но не прибавят, а с главного, ольховецкого направления, где наступают два стрелковых батальона, не могу снять ни одного дивизиона.

Услышанное удивило: главный удар бригада наносит на Ольховец, а танки применяет у Вязовки! После повторного отказа я вспомнил признание начальника оперативного отделения в ходе работы на местности:

- Бригада с танками еще не наступила, и нам приходится учиться применять их. В штабе есть командиры из внутренних войск. Сам комбриг служил в них до мая этого года. Хотя он и окончил вечернее отделение академии имени М.В.Фрунзе, с танками дела не имел.

Было отказано и в выделении батальону радиостанции для связи с танковой ротой.

В ограниченное время да в сочетании с естественными в условиях фронта помехами, связанными с огневыми налетами противника, в полном объеме подготовку выполнить не удалось, но задачи, боевые курсы и направления для обхода болотистых участков экипажи знали.

В эти дни до экипажей были доведены материалы о зверствах фашистов во временно захваченных районах. Часть этих материалов, в частности, актов о грабежах и расправах над советскими людьми, опубликовала армейская газета "Знамя Советов". Личный состав сам видел уничтоженные деревни. И росла ненависть к врагу. На состоявшемся в конце суток 27-го ноября митинге танкисты дали слово решительно действовать в наступлении и выполнить боевые задачи.

- Сейчас у нас весь состав экипажей - коммунисты и комсомольцы. В каждом экипаже есть член или кандидат в члены партии, - докладывал старший батальонный комиссар Коллеров командиру полка.

К шести часам 28-го ноября полк занял исходные позиции. В семь часов по телефону с командного пункта стрелкового батальона я доложил комбригу о готовности роты.

Однако наша решимость выполнить задачу, сочетавшаяся с естественным боевым волнением, была омрачена на рассвете, когда резко усилился юго-западный ветер и повалил густой мокрый снег. Видимость уменьшилась до 50-70-ти метров, а затем и до десяти. Разрывы снарядов и мин в ходе, начавшейся в девять с половиной часов, артподготовки, мы с комбатом и командиром дивизиона уже не видели и точность стрельбы оценить не могли.

Командир роты старший лейтенант Михаил Васильевич Тулейкин и я, каждый из своего танка, проверили возможность наблюдения в направлении атаки, совпадавшем со встречным ветром. Я многократно протирал объектив прицела, но его тотчас же залеплял летевший навстречу снег. Смотровые приборы механика-водителя и башни забивало снегом намертво.

Тотчас по радио доложил командиру полка о том, что танки в атаку посылать нельзя.

- Та же погода у нас. Мою просьбу об отмене атаки докладывают вверх! - ответил подполковник Ершов.

Об опасности "слепой" атаки я доложил и комбригу. Поддержал нашу просьбу прервать подготовку и отложить атаку и полковник Кукушкин. Однако по непонятной причине в этом было отказано. Почему так поступил генерал-лейтенант Курочкин? Может там, где он сам был, видимость была лучше? Это мы так и не узнали.

Взволнованному командиру роты, стараясь не выдать свое беспокойство, говорю:

- Миша, даже после развертывания в боевую линию, сколько позволит огонь противника, атакуйте с открытыми люками. Еще раз напомните механикам-водителям, чтобы вели танки строго по заданному азимуту.

Танковая рота перешла в атаку. Мой танк шел рядом с танком командира роты. Танки направляющего взвода, за которым мы шли, тотчас исчезли в белой мгле. Артиллерия перенесла огонь в глубину, отчего на время стало тише.

Словно из снега вышли из окопов стрелки в белых комбинезонах и двинулись за танками в ту же мглу. Артиллерия и минометы противника открыли сильный огонь, видимо заградительный, но разрывы снарядов и мин слышались на рубеже, находившемся уже сзади нас.

Танки двигались медленно, но, несмотря на это, пехота часто залежала и отставала. Огонь, открытый танками, оказывал на противника, конечно, не столько поражающее, сколько психологическое воздействие. Прошу по радио комбата:

- Не отставайте от танков, опасность поражения пока невелика.

- Понял! Тороплю, но тыкаются, как слепые котята - не знают, куда идти.

- На шум моторов идти, на шум моторов! - крикнул я в эфир комбата.

Когда огонь противника усилился, хотя и не был прицельным, и появились раненные, пехота залегла основательно. Саперы же, перебегая по колеям, образованным в снегу гусеницами танков, упорно шли за ними.

И вот рота миновала те самые сомнительные ДЗОТы противника, которые, как и предполагалось, оказались ложными. При проверке одного из них командир моего танка с саперами обнаружили две катушки кабеля и уже окислившиеся патронные гильзы.

Затем танки перешли первую траншею у северной окраины деревни, а в 50-80-ти метрах за ней - ДЗОТы, только что покинутые отошедшими гитлеровцами. И там и там просматривались трупы, брошенное оружие, а в ДЗОТах - две 47-миллиметровые пушки и пулемет. Ни один ДЗОТ нашей артиллерией не был разрушен. Противник отошел на подготовленную позицию за речку Вязовку, откуда и вел огонь.

Без захвата южного берега речки стрелковыми ротами нельзя было найти и оборудовать броды для танков. Комбат по радио заверял, что роты продвигаются, а они не появлялись. Тогда я на танке вернулся назад, отыскал одного из командиров стрелковых рот, объяснил обстановку и попросил быстро выдвинуться к танкам.

- У меня нет больше кабеля, а без проводной связи с комбатом вперед идти запрещено.

- Выходит, вам для успеха нужны не танки, а кабель! - с возмущением сказал я. - Возьмите его в немецком ДЗОТе!

Во время встречи с командиром этой роты стало ясно, что комбат за своими ротами не продвинулся. Между тем ушло полчаса, пока рота выдвинулась к танкам, а позже - непосредственно к речке. Здесь огонь противника, хотя и неприцельный, был сильным, поэтому попытка роты перейти на южный берег не удалась. Нужен был весь батальон.

В это время ошарашил доклад Тулейкина о застревании левофлангового танкового взвода. Позже выяснилось, что взвод несколько отклонился влево и попал в болото; теперь он лишь с места вел огонь.

Около 16-ти часов уменьшился ветер и снегопад. Начало проясняться. Танкисты быстро прочистили оптику. Осмотревшись, был рад, что рота, кроме одного взвода, не потеряла свое направление. Стрелковая рота и саперы заняли окопы, ходы сообщения и некоторые ДЗОТы противника вблизи речки.

По мере прояснения с обеих сторон нарастал огонь, вскоре ставший ураганным. По башне барабанили пули.

- Миша, организуйте огонь, он - беспорядочный, - говорю по радио командиру роты.

- Понял! Начну с ДЗОТов и траншеи за Вязовкой.

Он быстро и четко организовал огонь, и вскоре стрельба гитлеровцев ослабла.

- Эх, пехоту бы сейчас, пехоту в атаку за речку! - кричит Тулейкин по радио.

- Понимаю, но имеющейся мало. Жду! - ответил я.

По взлетающим и таявшим над лесной поляной облачкам в глубине обороны противника заметил позицию минометной батареи. Через комбата передал командиру дивизиона координаты цели, но лишь к наступлению темноты был открыт по ней огонь, и она на время "замолчала". Вновь переключившись в радиосеть роты, услышал команды Тулейкина, обнаружившего подход трех самоходных противотанковых орудий по лесной дороге с юга. Командир взвода младший лейтенант Лебедев со второго выстрела поджег головное орудие при выходе из ручья, а два других отошли назад, в его пойму.

- Миша, передай Лебедеву благодарность. Молодец он! - восхищенно передаю по радиостанции.

Через пару недель Олег Александрович Лебедев был награжден орденом Красной звезды.

А благоприятный момент для захвата южного берега речки был упущен. Наступали сумерки. Только к 20-ти часам, после вмешательства комбрига, основные силы батальона вышли к речке.

В полную растерянность пришел, побывав у засевавшего в болото взвода. Непривычно было видеть сверху снежно-болотной жижи у одного танка полкорпуса, у другого - крышу корпуса, у третьего - только башню.

К 22-м часам поочередным выводом танков из боя были в них пополнены боеприпасы и горючее, а экипажи получили горячую пищу. Оперативный и заботливый помощник командира полка по тылу капитан Илья Семенович Африн своевременно все это доставил.

Атака полка в полосе 170-й стрелковой дивизии с десантом на танках шла также при отсутствии видимости, вследствие чего каждая вторая машина засела. Значительная их часть была вытащена в ходе наступления и вновь послана в атаку. И все же полк вклинился в оборону противника на 600-800 метров, приблизился к речке Вязовке и Обжино. И здесь пехота за танками не пошла; танки были остановлены. Лишь с прояснением, после 15-ти часов, она подошла к танкам. На фронте в два километра, противник был выбит с первой позиции. Удалось захватить до восьми ДЗОТов, в том числе три с орудиями, и до десяти блиндажей. Были подобраны десятки трупов и взяты пленные из 415-го пехотного полка 123-й пехотной дивизии. Артподготовка оказалась неэффективной, а авиация из-за нелетной погоды не действовала.

Как я узнал в конце суток, самоотверженно выполнял свою задачу командир взвода разведки младший лейтенант В. И. Котков. Когда его танк застрял, они вдвоем с командиром башни скрытно, по кустарнику выдвинулись к обороне противника и передали данные о местах оружейных ДЗОТов. Василий Иванович был смертельно ранен. Командир танка младший лейтенант Лядов огнем разрушил ДЗОТ и уничтожил две огневые точки. Во время эвакуации застрявшего танка был ранен и вскоре скончался. Котков и Лядов были награждены орденами Красной звезды посмертно.

К 22-м часам командира батальона и меня вызвал командир бригады. Чувствовалось, что он переживает неудачу: если в районе Вязовки продвижение составило до 700 метров, то у Ольховца всего 300-400. Заслушав комбатов, он сделал им суровые внушения. В частности, командиру 2-го батальона он сказал:

- У вас были танки, но батальон не сумел использовать их успех. Саперы шли за танками, а стрелки - нет. Надо командовать батальоном, а не присутствовать в нем!

А мне подумалось, что виновато и командование бригады: батальон был бесконтрольным. При наличии контроля полковнику Карлову было бы известно, что командир батальона не пошел за ротами вперед, не знал обстановку и даже в сей миг не представляет себе, где и в каком положении находятся его роты.

Затем о состоянии танковой роты доложил я.

- А как ваш батальон? - спросил он нашего комбата.

- Еще не успел разобраться с потерями, надо пополнить боеприпасы...

- А вот танкисты успели! - резко перебил он его. - А как артиллерия?

- Будем готовы к утру, за ночь подвезем боеприпасы, - доложил начальник артиллерии.

Комбриг решил возобновить наступление в 10 часов следующего дня.

С чувством вины и горечи, не покидавшими меня весь день, прибыл я на доклад к командиру полка. Вины потому, что не предотвратил застревание танков; горечи потому, что взаимодействия с пехотой и артиллерией достичь не удалось. Боевая задача не выполнена.

Подполковник Ершов был потрясен так неудачно сложившимся первым боем полка, но переносил случившееся мужественно.

- Не только в 126-й бригаде считают, что танкам все нипочем. Так думают и в 170-й дивизии, да и выше. Отсюда и пренебрежение нашим мнением. Право, надо же послать в атаку танки при отсутствии всякой видимости! - с возмущением говорил он. - Постарайтесь, Обатурьч, при овладении этой болотистой Вязовкой сохранить людей и танки, добейтесь выделения саперов для эвакуации.

Пережить потрясение было отчего. Как мы с капитаном Контрибуцием подсчитали, убитые и раненые были в семи экипажах, сгоревших танков - один, подбитых - шесть, в том числе три Т-70, но засевших и не эвакуированных - 14.

Наконец, к рассвету 29-го ноября командиры стрелкового батальона и артдивизиона переместились к ложным ДЗОТам, где находились мы со старшим лейтенантом Тулейкиным. С 10-ти часов, после довольно "жидкого" огневого налета, стрелковые роты попытались атаковать гитлеровцев на южном берегу Вязовки, но, встреченные организованным огнем всех видов, успеха не имели. А вечером поступило распоряжение о присоединении роты к полку.

Мне же досталось руководить эвакуацией застрявших танков. Роту саперов нам выделили и прикрыли взводом пехоты. В первые дни рота в светлое время заготавливала лес, а ночью вместе с экипажами строила бревенчатые настилы для подхода средств эвакуации к каждому танку. Затем каждую ночь, вплоть до 5-го декабря, шло медленное, мучительное вытягивание танков из болота под сильным минометным огнем фашистов: ведь шум моторов не скроешь. До 5-го декабря удалось эвакуировать два танка, а третий, засевший по башню, был эвакуирован в январе эвакуатором фронта, имевшей специальное оборудование.

До 2-го декабря 170-я мотострелковая дивизия, а с нею и наш полк, еще трижды возобновляли наступление, но безуспешно. В последующем, до 10-го декабря в мелких боях участвовало три-пять танков.

За время боев ходили в атаку до десяти раз, пока не были ранены, заместитель командира 1-й танковой роты по политической части старший политрук П. Г. Королев и командир взвода младший лейтенант Л. Л. Разгон. Каждый из них огнем разрушил по одному-два ДЗОТа, уничтожил по противотанковой пушке и вывел из строя десятки фашистов. Королев был награжден орденом Красного знамени, Разгон - орденом Красной звезды.

А потери полка день ото дня накапливались, поэтому эвакуация подбитых и застрявших танков, причем в основном в ночное время, под огнем противника продолжалась до 16-го декабря. В ходе ее особо отличились командир ремонтного взвода младший лейтенант Х. Ф. Фаизов и командир эвакуот-деления старший сержант Г. В. Марков; они удостоены наград - орденов Красной звезды.

Урон, нанесенный противнику в описанных боях, выразился, примерно, в следующем: разрушено ДЗОТов - 14, раздавлено блиндажей и землянок - 13, уничтожено огневых точек с перекрытием и открытых - 20, противотанковых и самоходных орудий - 6, убито и ранено солдат и офицеров до 170-ти.

В строю оставались три командирских танка Т-34 и три Т-70. Все другие машины, кроме нескольких сгоревших, были стянуты для среднего и капитального ремонта в ремонтную базу армии.

По выходе из боя были обобщены и разобраны с командно-начальствующим составом и с сохранившимися экипажами поучительные боевые эпизоды и допущенные ошибки.

С командованием и штабом разбор провел заместитель командующего армией по АБТВ полковник Кукушкин. После критики действий полка он признал, что многое от него не зависело.

- Уже не первый раз я просил не посылать в бой танковые части поспешно, особенно вновь прибывший полк, давать им необходимое время на изучение противника и местности и, главное, надежно поражать противотанковые средства. Но не во всем нам идут навстречу.

От него мы узнали, что наступление 11-й армии проводилось во взаимодействии с 1-й ударной армией, наступавшей на Рамушевский коридор с юга навстречу нашей армии с целью отрезать Демянскую группировку.

- С весны прошлого года почти ежемесячно бьем по коридору, часто с двух сторон, но безуспешно.

В конце разбора он сказал:

- Я удовлетворен результатами эвакуации. Главное сделано, танки стянуты, а отремонтировать сумеем.

Во время трехдневной передышки личный состав полка был помыв в прибывшей армейской подвижной бане. Люди, пережившие горечь утрат и радость того, что остались живы, восприняли баню, которой не видели месяц, с необычным наслаждением.

После бани в землянке подполковник Ершов Коллерову и мне, а затем и пришедшему с докладом начальнику штаба предложил по сто граммов водки. Настроение у нас стало мажорным. Тут капитан Контрибуций доложил:

- Двенадцать танкистов, в том числе пять средних командиров не помылись, их не оказалось.

- А где же они? - хитро улыбаясь и подмигивая мне, спросил командир полка.

- Адрес - старый, девчата в полевом госпитале.

- Какой госпиталь, где? - быстро и озадаченно спросил Коллеров.

- Полевой, тот, что в лесу за станцией Беглово. Еще перед наступлением они туда дорожку проложили, - ответил Виктор Мефодьевич.

- А почему никто об этом безобразии не доложил мне? Качая головой и смеясь, командир полка сказал:

- Семен Владимирович, не только вот трое нас и штаб, но и партийное и комсомольское бюро об этом знают. Выходит, знают все, кроме тебя.

- Иван Николаевич, надо срочно послать туда... вот Обатурова; он быстро приведет их в порядок и доставит сюда.

Сквозь смех подполковник Ершов проговорил:

- А почему ты считаешь, что к нему не приклеится какая-нибудь сестричка? Молодой, крепкий, стойки делает на руках, не чета нам с тобой.

И после паузы, уже без смеха, но и без нравоучения, добавил:

- Это же молодежь! Они уже смотрели смерти в глаза, и, считай, многие, наверное, не знают сладость девичьего поцелуя. Скоро им опять в бой и кого-то не станет. Где тут безобразия?

Замполит был сконфужен, а командир полка распорядился:

- Прикажите старшему врачу: как только придут, так их на мытье под танковый брезент, к бочке с костром. А баню отпустить вовремя.

Семен Владимирович Коллеров прибыл на политработу в армию в 1939-м году по партийному набору с должности заместителя директора текстильной фабрики и прошел шестимесячные курсы политсостава. Воевать начал в должности комиссара танкового батальона. Не получив специальной танковой подготовки, он испытывал трудности в конкретной работе с танкистами, но осваивать танковое дело не спешил. До экипажей доходил редко.

19-го декабря полк поступил в подчинение командира 28-й гвардейской стрелковой дивизии, а утром 20-го получил новые танки: Т-34 - 18 единиц, Т-70 - 10, то есть почти три маршевые роты. С отправленными в ремонт подбитыми танками по установленному тогда порядку убыли механики-водители и командиры башен. Таким образом, с учетом потерь состав экипажей обновился на две трети. Как мы убедились в беседах с вновь прибывшими экипажами, их выучка, исключая фронтовиков, составлявших одну четверть, не выходила за пределы программ учебных танковых частей. Незавершенной оказалась и программа тактической подготовки рот.

Без задержки были организованы выверка и пристрелка оружия, вождение и стрельба. Опасность налета вражеских самолетов из-за небольшого снегопада и низкой облачности была незначительной. С прибывшими были изучены недостатки и ошибки, допущенные в предшествующих боях. В частности - это случаи атаки переднего края обороны противника на низких скоростях, слабый огонь из пулеметов по траншеям и амбразурам

ДЗОТов, стрельба по ДЗОТам и блиндажам в условиях, когда грунтовое покрытие их уже замерзло, не бронейными, а осколочными снарядами.

В тот же день, 20 декабря, из боевого приказа командира дивизии мы узнали, что дивизия ударом севернее Обжино на Софронково должна прорвать оборону и выйти к реке Пола. Наш 239-й танковый полк придавался правофланговому 86-му гвардейскому стрелковому полку и имел задачу, поддерживая наступление его пехоты, уничтожить огневые точки на участке прорыва, овладеть южным берегом речки Вязовки и затем с десантом автоматчиков захватить и удержать Софронково. Готовность - к исходу 22-го декабря.

- Ну что ты поделаешь? Опять не дают нужное время на подготовку! - досадовал командир полка.

- Да, это самые короткие дни в году. Светлое время на широте Старой Руссы в эти дни меньше семи часов, - подчеркнул начальник штаба при докладе расчета времени на подготовительные мероприятия.

Подготовка наступления была начата тотчас. После короткого пребывания у комдива, командир полка до наступления темноты успел бегло осмотреть в бинокль полосу предстоящего наступления. А затем он собрал командиров и сначала разобрался, что отображено у них на картах из сведений о противнике. Командир 1-й танковой роты старший лейтенант Николай Кириллович Нечетный при этом выразил беспокойство, что неизвестно, где у противника противотанковая артиллерия, танки и самоходки.

Ответ дал начальник штаба:

- О противотанковых средствах 415-го пехотного полка 123-й и 161-го пехотного полка 81-й пехотной дивизий, на стыке которых наносит удар 28-я дивизия, ее штаб знает очень мало. Да и опорные пункты нанесены предположительно. В некоторых ДЗОТах есть орудия, но в каких - неизвестно, поэтому разрушить огнем их надо все. Противотанковые орудия могут быть и за снежным валом. В целом же предполагается, что 86-му стрелковому и нашему полкам могут оказать сопротивление до полутора-двух пехотных батальонов и до трех дивизионов артиллерии.

- Кстати, снежный вал - новый элемент в обороне противника, и если артиллерия его не разрушит, то нам надо быть готовыми к сюрпризам, - предупредил командир полка.

Затем он по карте объявил свое решение и дал указания по подготовке к наступлению:

- Время - в обрез. Днем будем изучать противника и местность, согласовывать действия со стрелковыми батальонами и артиллерией, а ночью обозначать колонные пути и боевые курсы до нашего переднего края. Особое внимание - местности: знать и обозначить обход каждого болотца.

Когда перед началом работы на местности командир дивизии генерал-майор Павел Афиногенович Степаненко начал излагать оценку противника, то мы оживились.

- Противник восполнил ноябрьские потери, сняв силы с участков плацдарма, на которых наши войска не наступали. Он перебросил в 16-ю армию пехотную дивизию из соседней армии, один полк которой расположился на нашем направлении во втором эшелоне; оборона Рамушевского коридора стала более плотной и глубокой. На 20-ти километровом участке Налючи-Вязовка насчитывается танков и самоходных орудий соответственно 50 и 15^{шт}.

- Товарищ генерал, без поражения противотанковых орудий и ДЗОТов прорыв не мыслим, а они до сих пор не выявлены, - с тревогой сказал подполковник Ершов.

- Сегодня и завтра будет произведена аэрофотосъемка. А что и когда нам даст артиллерийская разведка? - спросил комдив.

И тут командиры дивизионного и трех приданных гаубичных артполков доложили, что в течение 6-13-ти часов светлого времени, которое осталось до наступления, они смогут разведать только 15-20% важных целей, поскольку их маскировка за длительное время доведена до совершенства. Они также выразили беспокойство, что количество выделяемых боеприпасов не обеспечивает выполнение планируемых огневых задач.

Так мы еще раз убедились в слабости войсковой разведки. Именно поэтому штабы дивизии и полков лучше знали общую группировку противника, чем стоявшие к ним лицом к лицу его подразделения. Тем не менее, из всей суммы вопросов, решавшихся при организации взаимодействия, вопрос о разведке целей стоял так же остро, как и вопросы огневого поражения.

А подход к этому последнему, как мы убедились во время работы комдива на НП 86-го гвардейского танкового полка, страдал теми же недостатками, что и в ноябре. Поэтому подполковник Ершов просил:

- Мы опять вынуждены говорить, чтобы артиллерийская подготовка планировалась не по площадям, а по целям и группам целей. Для исключения перерыва в ведении артогня в периоды, когда пехота останавливается, а танки продолжают атаку, танковому полку нужен дивизион гаубиц. Стрелковый полк получил на усиление только два дивизиона, и нам выделить ничего не может. Полки решают судьбу прорыва, а половина артиллерии - в руках дивизии.

- Поддержка атаки будет осуществляться последовательным сосредоточением огня до захвата южного берега Вязовки, - возразил заместитель командира дивизии по артиллерии, полковник, - поэтому интересы танков учитываются и усиливать танковый полк артиллерией не нужно.

Генерал Степаненко с ним согласился, артиллерии полк не получил.

- А штурмовикам ИЛ-2 просим поставить задачу как на подавление целей, расположенных на третьей траншее, так и на уничтожение танков и самоходных орудий. Какая польза нам и пехоте от ударов штурмовиков

по целям в глубине, если они не наносят ущерба пехотным батальонам, оказывающим сопротивление нам? - продолжал Ершов.

Представитель командования 6-й воздушной армии доказывал, что целесообразнее использовать штурмовики как ближние бомбардировщики для ударов со средних высот и по целям не ближе двух километров от наших войск, так как со стороны противника усилился зенитный огонь. Против этого возразил генерал Степаненко:

- Под Сталинградом штурмовики штурмуют, поражая танки, артиллерию и пехоту неуправляемыми снарядами и огнем пушек, а у нас - только бомбят. Так не пойдет. У вас в воздушной армии есть бомбардировщики Пе-2, пусть они и бомбят.

Несмотря на несогласие комдива, авиаторы, в конце концов, сделали по-своему.

С командиром 86-го гвардейского стрелкового полка майором Шурко, как и с командирами стрелковых батальонов, почти все вопросы взаимодействия были решены без затруднений. Наступление каждого из двух батальонов первого эшелона поддерживалось одной танковой ротой Т-34, а рота легких танков составляла второй эшелон; четыре ее танка назначались для продвижения за средними танками как орудия сопровождения. Не удалось добиться выделения в батальонах радиостанций для связи с танковыми ротами. Не согласились с нашей просьбой и о том, чтобы десант следовал на танках второго эшелона. В танках командиров рот Т-34 было решено разместить начальников разведки дивизионов, поддерживавших стрелковые батальоны.

На исходных позициях состоялись комсомольские собрания. Я был на собрании в 1-й танковой роте, в организации наступления которой, с левофланговым стрелковым батальоном, участвовал. Главной мыслью, проходившей через доклад командира роты и выступления комсомольцев, было беспокойство за то, как тут, под Старой Руссой, вернуть долг воинам-сталинградцам, окруживших крупную группировку врага.

Вслед за тем Ершов, Коллеров и я вручили посылки от трудящихся, почти исключительно от женщин. В посылках были изготовленные их руками варежки, теплые носки, шарфы, носовые платочки и даже кисеты - традиционно девичьи подарки любимым. У посылки был один адрес "На фронт, воину", а в записках - призыв: поскорее изгнать фашистов с родной земли.

Ночевал с экипажами в шалаше из танкового брезента, с костром при входе. Втиснулся в него вместе с младшим лейтенантом, командиром танка, и усатым старшиной, механиком-водителем, когда другие уже спали.

- Так что ты хотел сказать о фельдшере? - тихо спросил командир танка старшину, видимо, продолжая ранее начатый разговор.

- Да то, что душевным человеком оказался. При поездке в полевой госпиталь он договорился с одним раненым, отправляемым в Ярославль, чтобы тот, как полегчает, навестил моих и передал им консервы и сахар из моих пайков. У нас с женой-то дочка пяти лет и сынок - двух. Голодно им.

- А я хотел, было, жениться, но посмотрелся на горе вдов и остановился. - После паузы, с теплотой в голосе, добавил: - Хорошие письма моя девчина шлет. Ждет она меня, но дождется ли?

- Раз ждет, значит дождется. Всех-то нас не перебьют. Вон второй раз уж на нашей земле у фашистской машины забарахлил мотор.

Под впечатлением от вручения посылок и услышанного на меня тоже нахлынули думы. Вот они, горемычные жены фронтовиков, невесты, бабушки шлют нам посылки, а кто им-то и полуголодным детям что-нибудь пришлет? Вот и Лиза: успокаивает в письмах, что у детей и ее все хорошо и, словно о мелочи сообщает, что стала донором. Наслышавшись о базарных ценах на хлеб, молоко, картошку, прикидываю в уме и получается, что моего аттестата хватает ей на полмесяца.

Так из четырех часов, доставшихся для сна, два прошло в тревожных, совсем нефронтовых думках. И все же в эти дни, как никогда с начала войны, думалось, что раз мы наступаем, а враг всюду вынужден обороняться, дело идет к лучшему.

Наступило утро 23-го декабря. Экипажам были сообщены поправки на текущие условия стрельбы. С рассветом началась артподготовка. Грохоту выстрелов вторили разрывы снарядов и мин в стане врага. Отдохнувшие, позавтракавшие танкисты и в белых халатах бойцы десанта взбодрились и быстро освободили танки от маскирующих комьев снега. Морозное, до 20-ти градусов ниже нуля, утро обещало хорошую погоду и видимость. Мы двинулись на своих танках, как было решено, командир за 2-й танковой ротой, а я - за 1-й.

Атака началась достаточно организованно. За танками пошел стрелковый батальон, и артиллерия перенесла огонь в глубину. Танковые взводы, пройдя проходы в минных полях, быстро развернулись в линию и ровно в 10 часов 20 минут атаковали. Тотчас же из ДЗОТов противника, оказавшихся не разрушенными, а также из второй траншеи был открыт сильный пулеметный огонь. Десант, неся потери, спешил. В первой траншее противника и около ее лежали трупы гитлеровцев. Поравнявшись с танком командира роты, крикнул ему:

- Коля, огонь по ДЗОТам, иначе пехота не пройдет!

- Есть огонь по ДЗОТам! - ответил Наконечный.

Из ДЗОТов, подавленных огнем танков, стрельба резко ослабла. Стрелковые взводы по колеям танков устремились вперед, миновали проходы, перестроились в цепь и с криком "Ура" ворвались в первую траншею.

Затем батальон за танками двинулся ко второй траншее, за которой начинался плавный спуск к Вязовке. Танковая рота, раздавив несколько ДЗОТов, пройдя вторую траншею и уничтожив две противотанковые пушки,

начала спуск к речке. Артиллерия перенесла огонь на рубеж 300-400 метров за второй траншеей. Было видно, как справа подходила ко второй траншее 2-я танковая рота. "Неплохо атакуем", - подумалось мне.

Но радость оказалась преждевременной. Отойдя на 300 метров от второй траншеи, танки попали под обстрел противотанковых пушек, в том числе самоходных, с южного берега речки. Из-за помех, которые создавало редколесье, по ним вели огонь только два-три танка. Артиллерия же, прекратив огонь по целям северного берега, не перенесла его на южный. Попытка вызвать огонь поддерживающего дивизиона не удалась: рация командира дивизиона вела радиообмен с командиром артполка и не принимала команд. Здесь следует отметить, что эксперимент с размещением артиллеристов в танках командиров рот не оправдал себя, артиллеристы не имели приборов, а при закрытых люках ничего не видели. Причину же не переноса огня узнал в конце дня: поскольку темп атаки оказался ниже расчетного и огонь на первых рубежах велся продолжительнее, чем планировалось, то снарядов не осталось. Никто в известность об этом нас, танкистов, не поставил.

Все же через подполковника Ершова удалось вызвать огонь двух дивизионов из дивизионной группы, но затычка стоила дорого: хотя рота уничтожила часть противотанковых орудий, и огонь по танкам ослаб, в роте сгорело две машины.

С возобновлением наступления роты резко усилился артиллерийский и минометный огонь противника. Под его воздействием и при виде горящих танков залегшие в снегу стрелки откатились назад, во вторую из захваченных траншею. За танками шел лишь взвод саперов. Пехота отставала уже более чем на 600 метров. А комбат по радио уверял, что роты возле танков.

Вновь, как и под деревней Вязовка, повернул танк назад и поспешил к пехоте. К моему удивлению, оказалось, что комбат продолжал оставаться на КП в исходном положении, в двух километрах от танков, и склон к речке и танки на нем видеть не мог.

Разыскал обоих командиров стрелковых рот и объяснил им обстановку. Они оживились, среагировали удивительно быстро, и вскоре их роты броском вслед за танками вышли к речке. Здесь Вязовка имела крутые, особенно с нашей стороны, берега, поэтому противник не просматривал и не обстреливал ее русло. После беспрепятственного перехода речки, на подъеме, в двухстах метрах от нее, стрелки были встречены огнем.

Теперь мы оказались перед рубежом обороны батальона второго эшелона, перед тем самым, с которого противотанковые орудия противника сожгли два наших танка. Он проходил по гребню высоты 67,0. Следовало организовать бой за овладение им, что должен был сделать комбат. В докладе подполковнику Ершову об овладении южным берегом Вязовки сказал также и об этом.

- Поздравляю с успехом! - воскликнул он в ответ. - Приму меры. 2-я танковая рота вместе с пехотой уже вышла на спуск к речке.

Через полчаса с подполковником Ершовым на его танке прибыли командир стрелкового полка майор Шурко, командиры стрелкового батальона и артдивизиона. Они получили порядочную нахлобучку от майора Шурко и взялись за организацию боя. А мне подумалось: разве майору Шурко невдомек, что отстали и не видели бой не только его подчиненные, но и он сам?

Вскоре рубеж высоты 67,0 был в наших руках. В сумерках просматривались трупы фашистов, искореженные противотанковые пушки и обгоревшая самоходка. Пленные и убитые оказались из 174-го пехотного полка 81-й пехотной дивизии. Вслед затем справа вышел на южный берег речки правофланговый батальон 86-го полка со 2-й танковой ротой. Слева, к юго-западу от Обжино, захватил южный берег 92-й стрелковый полк с 11-м танковым полком.

Наш полк потерял еще три танка подбитыми и несколько застрявшими. И все же в этот день полк достиг пусть скромного, но успеха. Это воодушевило и командование, и личный состав.

К концу суток мы вновь были у комдива. Генерал Степаненко сделал строгое внушение командирам 86-го и 92-го гвардейских стрелковых полков за отставание пехоты от танковых полков и слабое управление. Но особо запомнился разговор с представителем 6-й воздушной армии.

- Когда же будет работать штурмовая авиация?

- При высоте облаков хотя бы 1100 метров, - ответил подполковник. - Сегодня весь день она была не более 800 метров. Зато ночные бомбардировщики, как вы слышите, уже работают.

- Надо, чтобы вы противостоящих нам фашистов били, а не только пугали их тылы! - резко заметил генерал. - Выходит, и завтра вся надежда на артиллерию?

- С боеприпасами будет бедно, - доложил заместитель по артиллерии.

- К артиллерии у нас большие претензии, - доложил подполковник Ершов. - Артподготовка оказалась неэффективной. Большинство разрывов снарядов оказалось далеко от целей. Командиры дивизионов отстают от боевых порядков танков и пехоты, не видят их, не говоря уже о целях. Сегодня в интересах танков ни разу своевременно не был открыт огонь.

Возражения артиллеристов командир дивизии пресек:

- Командир 239-го танкового полка прав. Исправьте это.

Попытки развить наступление 24-го и 25-го декабря в направлении Софронково оказались безуспешными. Противник имел хорошо подготовленную позицию, для прорыва которой требовалась мощная артиллерийская и авиационная подготовка, а боеприпасами обеспечивались лишь короткие огневые налеты. К

тому же пехота, начавшая наступление в значительном некомплекте, стала еще малочисленнее. В свою очередь, наш полк в эти дни потерял еще семь танков: сгоревшими - два, подбитыми - пять.

В ночь на 26-е декабря по решению комдива полк перегруппировал танки к левому флангу. С утра 26-го, совместно с введенным из второго эшелона дивизии 89-м гвардейским стрелковым полком, они атаковали противника к юго-востоку от высоты 67,0, навстречу 170-й стрелковой дивизии и к 14-ти часам овладели рощей южнее Обжино.

До 27-го декабря роту легких танков Т-70 самостоятельно в атаку мы не бросали. Танк Т-70 появился в 1942-м году на смену танка Т-60 и превосходил последний. Он был вооружен 45-миллиметровой пушкой вместо 20-миллиметровой на Т-60, имел усиленную броню передней части башни и корпуса и два вместо одного автомобильных двигателя³³. Однако его броню, хотя и усиленную, пробивали даже 37-миллиметровые противотанковые пушки противника на 500-600 метров, не говоря уже о пушках большего калибра.

И вот утром 27-го декабря командиру полка приказали использовать эту роту для самостоятельной атаки с малочисленными стрелковыми батальонами в направлении Здринога.

- Нельзя этого делать, они сгорят! - объяснил Иван Николаевич генералу Степаненко и полковнику Кукушкину.

- Вот Павел Афиногенович обещает надежно подавить противотанковые средства гитлеровцев и хорошо поддержать артиллерией, - успокаивал Кукушкин.

- Никто в дивизии еще не разведал эти средства. Кто же берется подавлять то, что не знает, где стоит?

Повинуясь приказу, командир полка направил роту и оставшиеся три средних танка в атаку.

Следуя рядом с танком командира роты, лейтенанта Ильи Петровича Кузьмина, видел, как при подходе танков к опорному пункту противника по ним открыли огонь несколько противотанковых орудий из ДЗОТов и окопов, в том числе калибра 75-миллиметров, и вышедшие из глубины два самоходных орудия. Где-то в течение пяти-семи минут вспыхнуло пять танков. Будучи начиненными бензином, они горели как свечи. При виде этой беды пехота сразу залегла, затем отошла в свои окопы. Участвовавшие в этой атаке три танка Т-34 уничтожили одно самоходное и одно полевое противотанковые орудия и разрушили один ДЗОТ. Удалось отвести два Т-70 и два поврежденных Т-34.

В этом бою пришлось вести огонь и мне. Заметив стрельбу пушек из ДЗОТов, произвел по одному из них три выстрела. Стрельба пушки из этого сооружения прекратилась. То же произошло со вторым ДЗОТом после двух выстрелов. Досталось и моему экипажу: снарядом противника был сорван с петель люк механика-водителя, а в результате второго попадания в лобовую часть башни внутри от ее стенок отлетели десятки раскаленных осколков, один из которых попал мне в правую надбровную дугу и застрял в верхней части глазной впадины. Экипаж наложил повязку, закрыв глаз. Правда, осколок находится в этом месте и по сей день.

Принятыми мерами в горящих танков была спасена половина состава экипажей.

К исходу 28-го декабря полк был выведен из боя, но мне пришлось задержаться для эвакуации подбитых и застрявших танков. А 29-го нелепый случай едва не закончился для меня бедой. Знакомый по последним боям командир одного из дивизионов 429-го гаубичного артполка напросился ознакомиться с вооружением танка.

- Командир танка оглучился, а мне некогда. Подождите командира, он вам покажет башню, - ответил я.

- Да я же артиллерист, разберусь.

- Ладно, - не без колебаний разрешил я. - Только не заряжать.

- Само собой, - ответил майор.

Находясь под стволом пушки, у люка механика-водителя, я по радио говорил с командиром одной из эвакогрупп. Когда снял шлемофон и стал возвращать его радисту, располагавшемуся в танке рядом с мехводителем, надо мной раздался выстрел из пушки, самовольно произведенный артиллеристом. Сразу оглох, из правого уха потекла кровь. Сутки не слышал левым и четверо - правым ухом, которое с того момента слышит слабо.

Вообще день 29-го декабря остался в памяти как один из черных дней. 30-го вечером, когда на одно ухо стал слышать, узнал, что накануне в районе деревни Горбы был смертельно ранен осколком снаряда начальник штаба полка капитан Контрибуций. Скромный, исполнительный, беспредельно преданный службе, Виктор Мефодьевич навсегда остался в памяти.

Помощник начальника штаба по учету личного состава капитан Иван Георгиевич Кириллин рассказал:

- Утром вчерашнего дня Виктор с улыбкой говорил мне, что только что написал письмо жене и шестилетнему сыну и тут же сделал перевод; так что они, мол, сразу получают то и другое. Но разве думал он, что они получают еще и третье, самое ужасное - похоронку?

- Верно говорят, что последней умирает надежда, - коряво произнес я, борясь с душившими меня спазмами горла.

И другая тяжелая утрата постигла нас: погиб командир 170-й стрелковой дивизии полковник Степан Игнатьевич Ушаков, под командованием которого полк принял первый бой.

Кратко остановлюсь на третьем наступлении, имевшем место в начале января, в котором участвовал полк. Теперь удар в направлении Обжино, Савкино наносила 170-я стрелковая дивизия, причем, местность на этом

направлении была еще более сложной и в большей степени покрыта лесом, чем к северу от речки Вязовки. Снежный покров уже достигал 50-60-ти сантиметров.

Дивизия усиливалась 60-й танковой бригадой (13 средних и легких танков), 239-м танковым полком (4 средних и 3 легких танка) и 11-м тяжелым танковым полком (6 тяжелых танков КВ). На этот раз, командующий бронетанковыми и механизированными войсками (БТ и МВ) армии, теперь уже генерал-майор танковых войск Кукушкин пошел на более чем сомнительный эксперимент: танковые полки были подчинены командиру бригады. Поскольку все три части придавались на усиление стрелковым полкам, то подчинение полков бригаде лишь усложняло управление. Поэтому еще до прибытия к комдиву и комбриг, и командиры полков просили не объединять их, а передать танки из полков в бригаду, что упростило бы взаимодействие с пехотой и артиллерией. Однако генерал был неумолим.

(В начале декабря 1942-го года автобронетанковые войска были переименованы в бронетанковые и механизированные войска, введены должности командующего БТ и МВ РККА, командующих БТ и МВ фронтов, округов и общевойсковых армий, а также штабы и необходимые управления. Тогда же создано самостоятельное автотракторное управление в центре и соответствующие органы во фронтах, округах и армиях).

Командиром 170-й стрелковой дивизии теперь был уже знакомый по 126-й стрелковой бригаде полковник Федор Васильевич Карлов. 6-го января к нему прибыли все три танковых командира; с подполковником Ершовым был и я. Объявив решение, комдив сообщил, что начало наступления - с утра следующего дня. Это вызвало недоумение.

- Сегодня остается час светлого времени. Когда же готовить наступление, организовывать взаимодействие? - спрашивали командиры танковых частей.

- Мы будем готовы не ранее 9-го января! - решительно доложил командир бригады.

По просьбе комдива и командующего БТ и МВ командарм генерал-лейтенант Курочкин перенес наступление, но только на сутки. Естественно, подготовка наступления оказалась поверхностной. Наш полк и три танка КВ 11-го танкового полка были назначены на поддержку 422-го стрелкового полка.

8-го января 120 бойцов пехоты и десять танков трех марок после слабой артподготовки атаковали позиции гитлеровцев южнее высоты 67,0. В первой линии шли три танка КВ, во второй - наши средние и легкие. Подполковник Ершов располагался на НП стрелкового полка, а я следовал за танками. Вскоре тяжелые танки застряли и остались позади наших танков, а стрелки, пройдя 300 м, из-за сильного огня противника залегли и отстали; лишь через три часа они были подтянуты на линию танков. А за это время по два средних и легких танка были подбиты и один средний сгорел. Огонь противника ослабевал лишь в те моменты, когда бомбили артиллерию противника штурмовики Ил-2. Наступление на этом заглохло.

Справа 55-я стрелковая дивизия, являвшаяся наиболее укомплектованной, прорвала позицию противника в районе Софронкова и овладела Лешошкиным, но с утра 9-го января в результате сильной контратаки оставила эту деревню.

Декабрьское и январское наступательные бои привели к сужению Рамушевского коридора до 8-9 км на участках Радово, Лешошкино - на севере и Большое Князево, Цемена - на юге. Единственная дорога Демянской группировки оказалась под огнем артиллерии и с севера, и с юга. Это вынудило фашистское командование перебросить сюда хорошо укомплектованную 254-ю пехотную дивизию с ленинградского направления. И в январском бою ее подразделения уже оборонялись против нас.

Итак, в декабре и январе, как и в ноябре, полк вновь постигла неудача в выполнении боевых задач. Мы остро это переживали. Многие ошибки и промахи были следствием слабой выучки экипажей из маршевых рот: недостаточная тактическая слаженность, плохое ориентирование при нахождении в танках, слабые навыки в стрельбе и вождении. Однако в ноябре в атаку шли хорошо обученные экипажи, а результат был не лучше.

С другой стороны, упрекнуть экипажи и роты в целом в отсутствии упорства и отваги мы не имели оснований. Не выявилось ни одного случая трусости. Коммунисты были в большинстве экипажей, комсомольцы - во всех. И те, и другие личным примером увлекали остальных. На место павших и раненых шли в партию и комсомол новые люди. В сложных условиях лесисто-болотистой местности и снежной зимы они отважно направляли танки на врага, били его, горели и многие гибли.

Стремление отдать все для победы проявилось и в патриотическом движении по внесению личных сбережений на строительство танковых колонн. Только командно-начальствующий состав в январе 1943-го года внес на эти цели около 20-ти тысяч рублей.

- Все это, Обатурыч, чистая правда! - подтвердил командир полка при обдумывании итогов. - Но следует добавить к этому вот еще что: ограниченный по составу танкоремонтный взвод с эвакуотделением только с 1-го по 24-е января эвакуировал 19 подбитых и застрявших танков и отремонтировал 14. Это ли не подвиг!

Но бои-то были общевойсковые, поэтому не все зависело от танкистов. Об этом немало сказано уже выше. Плохо поставленная разведка целей и, связанная с этим практика ведения артиллерийского и минометного

огня по площадям; прерывность поддержки атаки танков и пехоты; применение штурмовиков Ил-2 не для штурмовых действий, а бомбардировок со средних высот; слабое управление пехотой; поспешный ввод полка в бой - не зависели от него.

К таким выводам пришли, готовясь к совещанию у командующего армией, состоявшемуся в конце января 1943-го года. В нем участвовали командование стрелковых и артиллерийских дивизий и бригад, танковых бригад и полков и командиры отдельных танковых батальонов. Из полка нас было четверо.

Перед совещанием мы были представлены новому командующему БТ и МВ армии подполковнику Ивану Васильевичу Пшеницкому. Генерал Кукушкин убыл на должность командира танкового корпуса и, к несчастью, вскоре, в апреле того же года, погиб в бою.

Совещание вел командующий армией генерал-лейтенант Павел Алексеевич Курочкин. Мы слышали и видели его впервые, хотя, как я считал, вспоминая генерала Лизюкова, командарм обязан доходить до полков. Вместе с тем, культура речи, точность и ясность формулировок произвела на меня немалое впечатление.

Командарм не возложил срыв выполнения задач на тот или иной род войск, но первые выступавшие основную ответственность перекладывали на танкистов, что вызвало отрицательные возгласы некоторых командиров-танкистов. В последующем ряд ораторов не согласился с таким мнением. Но главный "удар" обрушился на артиллеристов и отчасти – на авиаторов. Несколько позже выступили командиры танковых частей, причем подполковник Ершов за основу взял наши выводы.

- В неудачах виновны все рода войск, в том числе и мы, танкисты. Но вот картина, повторяющаяся из боя в бой: танки и пехота пошли в атаку вместе, но вскоре стрелки залегли. На немалом удалении танки остановились в ожидании пехоты; ждут, а она не подходит. Будучи без прикрытия, начинают гореть, затем оставшиеся отходят. Корень этого явления в том, что противник огнем артиллерии и ударами авиации не подавлен, ДЗОТы не разрушены, система огня его не нарушена, а артиллерийская поддержка слабая. Как же пройдут пехота, да и танки? И еще: выгашите командиров стрелковых батальонов из блиндажей, ведь они не видят ни противника, ни свои роты и не управляют ими.

Он поддержал предположение о постоянном закреплении за танковыми частями по одному стрелковому батальону.

- Такой пехотой будем управлять мы, и она нас не подведет! - эмоционально закончил он.

В своем заключении генерал Курочкин в частности сказал:

- Обмен мнениями о причинах неудач - урок для всех и в первую очередь для общевойсковых и артиллерийских командиров. И хотя не все зависит от армейского командования, впредь на подготовку прорыва отводить время столько, сколько требуется. Будем просить вышестоящее командование о выделении на операции достаточного количества боеприпасов.

С совещания возвращались мы с надеждой на перемены.

3. Неосуществленный замысел

По прочтении очередной сводки Совинформбюро, записанной при прослушивании радио, подполковник Коллеров проговорил:

- Хорошо наступают южные фронты. Вот уже на подступах к Ростову взяты города Шахты, Батайск, Азов. Молодцы!

- Но и силы у них, наверное, не те, что у нас, к тому же - бескрайняя степь, - заметил я.

Тут вступил в разговор новый начальник штаба полка капитан Василий Михайлович Бескоровый, являвшийся до назначения на эту должность заместителем начальника штаба.

- Позавчера начальник разведки штаба БТ и МВ армии при ознакомлении нас - начальников штабов танковых частей с группировкой фашистских войск перед Северо-Западным фронтом, подчеркнул, что гитлеровское командование, с начала контрнаступления под Сталинградом и по настоящее время, не смогло снять и перебросить на юг ни одной дивизии из противостоящих нашему фронту. Более того, наступательные действия фронта заставили противника перебросить для восполнения потерь Демянской группировки из-под Ленинграда и Волхова три дивизии. Это облегчило прорыв блокады Ленинграда. Выходит и мы - молодцы!

- Это меня не утешает: ведь мы топчемся на месте, - сказал командир полка.

Победа на юге радовала и побуждала к действиям. И нам хотелось, наконец, добиться успехов. Поэтому получение полком новой боевой задачи вызвало воодушевление. Она определялась приказом командира 370-й стрелковой дивизии, которой полк придавался.

Дивизия должна была на правом фланге одним стрелковым полком обороняться, а двумя полками прорвать оборону противника южнее ручья Обьезжего, разгромить противника в районе Симоново, Росино и овладеть высотами западнее этих населенных пунктов.

Нашему полку, назначенному на поддержку 1234-го стрелкового полка, который наносил удар севернее высоты 59,5 на Росино, приказом предписывалось подавить живую силу и огневые средства противника на переднем крае и, прорвав его совместно с пехотой, вторым эшелоном с десантом автоматчиков стремительно

выдвинуться вперед, овладеть Росино и удержать его до подхода стрелкового полка. С этой целью полк усиливался ротой автоматчиков, а для поддержки огнем с закрытых огневых позиций назначался один артиллерийский дивизион.

(В начале февраля, при переаттестовании политсостава старшему батальонному комиссару Коллерову было присвоено звание "подполковник").

После прочтения приказа я сказал командиру полка:

- Учтены, наконец, наши просьбы о размещении десанта на танках второго эшелона и выделении артиллерии. Замысел оригинальный, но все главное за вас решено: и построение боевого порядка, и способ действий.

- Да, некоторые из наших предложений поняты. Жаль, что вверху решают то, что следует решать нам, и тут, считай, просматривается стиль подполковника Пшеницкого. - И, поразмыслив, добавил: - Но никакая оригинальность не даст успеха, если артиллерия и авиация не проложат танкам и пехоте путь!

Это было 7-го февраля 1943-го года. Тотчас командир, заместитель по политчасти, начальник штаба и я направились на КП дивизии. Вследствие больших снегопадов глубина снежного покрова достигла в среднем 70-ти сантиметров. Образовавшиеся в ходе расчистки по сторонам дорог снежные валы создавали впечатление, что движемся по широким траншеям, из которых, даже находясь в башне броневомобиля, не были видны значительные по ширине участки местности.

В полдень на КП дивизии мы нанесли на карты: данные о противнике, боевые задачи свои и соседей. Справа - 1232-й стрелковый полк с 3-м гвардейским, тяжелым танковым полком имел задачу захватить Симонове. А слева - 26-я стрелковая дивизия с 56-м танковым полком наносила удар севернее Сорокине на Большое Степанове

Местность по материалам карты и при беглом взгляде на нее выглядела достаточно открытой, с небольшими рощами и редкими кустарниками, но наличием оврагов и заболоченных впадин.

- Это - наиболее доступное для танков направление, - говорил командир 3-го танкового полка. - Мы здесь наступали в ноябре 1942-го года с 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизией. Уже тогда были оборудованы батальонные районы обороны в две линии со сплошными траншеями по переднему краю и ближайшей глубине.

- Ясно, что противник обороне такого направления уделяет особое внимание, - согласился с ним подполковник Ершов.

И действительно в полосе наступления двух полков 370-й дивизии в обороне значилось до половины 290-й пехотной дивизии гитлеровцев. На сей раз на наших картах было больше сведений о противотанковых средствах, других огневых точках и артиллерии противника, чем при подготовке к предыдущим боям.

Вслед затем с вызванными командирами начал работу на картах командир дивизии генерал-майор Евгений Михайлович Андреев. Он приближался уже к пятидесятилетию, однако был еще достаточно энергичен, четко и спокойно распоряжался. Вначале он сказал:

- Целью готовящегося наступления, как и прежде, является перерезать Рамушевский коридор и отсечь фашистские войска на плацдарме. Навстречу нам из района Залучье наносит удар 53-я армия. Посмотрите на карту: единственная дорога из Старой Руссы на Демянск идет сразу за рекой Пола, через Уполозы, Корпово. Стоит нам выйти к реке, как Демянская группировка лишится этого пути.

После такого радужного вступления, он коснулся двухэшелонного построения танковых полков:

- Командарм в данном случае согласился с предложением армейских танкистов. Посадка десантов на танки первой линии себя не оправдала. Теперь имеется в виду использовать ослабление огня после захвата танками и пехотой первых опорных пунктов для быстрого броска вперед второго танкового эшелона с десантом и захвата Симонова и Росина. Что, по-вашему, для успеха этого нужно?

- Нужно то, что до сих пор не удавалось, - ответил подполковник Ершов. - Опорные пункты до села Росино включительно в ходе артиллерийской и авиационной подготовки надежно подавить, противотанковую артиллерию - уничтожить, а поддержку броска огнем сделать непрерывной.

Так снова вопросы артиллерийского и авиационного наступления заняли в организации взаимодействия главное место. К тому же вскоре поступили сведения о том, что в районе Симоново, Уполозы, Большое Степаново, во втором эшелоне, расположилась в обороне частью сил 225-я пехотная дивизия.

- Можно не сомневаться, что подготовка к наступлению, к тому же на одном и том же направлении, фашистами обнаружена. А каково, Василий Михайлович, соотношение сил в полосе наступления дивизии? - спросил начальника штаба командир полка.

- Штаб дивизии его считает: по пехоте - 1,1:1, по артиллерии - 3:1, по танкам и самоходкам - 2:1 в нашу пользу. Это без учета 225-й пехотной дивизии, - доложил Бескоровайный.

- Артиллерии в дивизии с приданным гаубичным артполком - шесть дивизионов. А для подавления восемнадцати взводных опорных пунктов в ходе артподготовки требуется девять дивизионов. Да еще что-то надо дать обороняющемуся полку, - сказал я. - Артиллерии явно не хватает.

- С таким незначительным превосходством даже обычную оборону не прорвешь, не говоря уже о такой крепкой, как перед нами, - заключил подполковник Ершов.

(Артиллерийское и авиационное наступление по своей сути заключались в надежной подготовке атаки огнем и в непрерывной поддержке пехоты и танков артиллерийским огнем и ударами авиации на всю глубину наступления. Они впервые были применены в контрнаступлении под Сталинградом).

Беспокойство за надежность огневого поражения первыми высказали комдиву командиры стрелковых полков; их поддержали командиры танковых полков.

- Что же, недостаток артиллерии восполним за счет увеличения продолжительности артподготовки. Сейчас она установлена - один час 15 минут. Будем просить увеличить, - подумав, ответил генерал Андреев.

- Но с боеприпасами может быть осложнение, - включился в разговор командующий артиллерией дивизии. - Если начало наступления не будет отнесено дальше, то не только добавочные боеприпасы, но и те, что назначены, не успеем подвезти. Дорога-то одна на полторы армии и она забита.

(Приказом НКО № 62 от 8-го января 1943-го года должности заместителей командиров дивизий по артиллерии были переименованы; они стали называться командующими артиллерией).

Да, мы знали эту дорогу от станции Крестцы, по которой полк совершал марш, и волновала она нас повседневно. Только благодаря исключительной энергии и организованности такого человека, как капитан Африн, умевшего виртуозно протаскивать по ней колонну автомашин тыла, полк всегда вовремя обеспечивался всем необходимым.

Впервые полк получил время пять суток, достаточное и для подготовки, и для совместного боевого слаживания. Уже 9-го февраля была проведена детальная организация взаимодействия в полковом звене.

В соответствии с решением командира 1234-го стрелкового полка майора Шаталова, включившего в первый эшелон 1-й и 2-й стрелковые батальоны, подполковник Ершов назначил на поддержку атаки соответственно 2-ю и 1-ю танковые роты, строившиеся каждая в два эшелона.

- Обгонят ли танки второго эшелона первый эшелон по такому глубокому снегу? Двигаться они могут лишь на второй передаче, со скоростью не более 8-9 километров в час, - поставил вопрос командир 1-й танковой роты.

- Да, скорость упадет сильно, - ответил подполковник Ершов. - Но и пехота пойдет за танками со скоростью порядка 2 километра в час, а танкам придется ее ждать. Эти паузы позволят второму эшелону танков обогнать первый.

И по просьбе нашего командира полка майор Шаталов и командир артиллерийской группы согласились спланировать огонь артиллерии при поддержке атаки, исходя из темпа два километра в час, а не три, как намечалось первоначально.

На этот раз авиаторы без возражений запланировали штурмовые действия самолетов Ил-2 и предусмотрели при поддержке атаки поражение целей реактивными снарядами и пушечным огнем в опорных пунктах третьей линии и других важных целей, удаленных от наступающих на 600-1000 метров.

В последующие дни была проведена организация боя в батальонном, ротном и взводном звеньях, о содержании которой говорилось выше при подготовке предыдущих наступательных действий. В стрелковых батальонах были выделены радиостанции для связи с танковыми ротами, а для перемещения НП приданного дивизиона мы выделили танк Т-70 с радиостанцией.

К 11-му февраля как за счет ремонта, так и нового пополнения полк был укомплектован танками Т-34 полностью (23 единицы), а Т-70 имел 11 из 16-ти по штату.

В период с 10-го по 12-е февраля по поручению командира полка я проводил совместные занятия танковых, стрелковых и десантного подразделений, на выбранном (северо-восточнее деревни Горбы) участке местности, сходном с местностью в полосе предстоящего наступления. Это было во второй половине каждого из названных трех дней. Удалось добиться определенной слаженности в совместной атаке и ее развитии.

В комплексе с тактическими занятиями отработывалось и вождение, а с экипажами, сформированными заново, удалось провести и стрельбу.

Заключительным подготовительным мероприятием явилось проведение на рассвете и в сумерках 14-го февраля на направлении наступления с командирами танковых рот, взводов и танков занятия по управлению огнем при поражении реальных целей.

- Никогда ранее нам не удавалось так подготовить наступление, как сейчас, - с удовлетворением размышлял вслух командир полка.

- Наше - да. А как вы считаете готовность артиллерии, пехоты? - спросил я.
- Сегодня от начальника штаба дивизии узнал, что нужное количество боеприпасов для артиллерии до сих пор не подвезено. Вот и погода ухудшается, не сорвалась бы работа авиации.
- Значит, следовало бы оттянуть наступление?
- Сегодня в ходе утреннего доклада по телефону командующий БТ и МВ подчеркнул: командование исключает любую отсрочку.

Наряду с ротными партийными и комсомольскими собраниями было проведено объединенное собрание представителей парторганизаций нашего полка, обоих взаимодействующих стрелковых батальонов 1234-го стрелкового полка и приданного артдивизиона. Помимо единых задач упор был сделан на взаимовыручку в бою и надежную связь взаимодействия. В эти дни только о вступлении в партию было рассмотрено 20 заявлений.

Настал день наступления - 15-е февраля. За артиллерийской подготовкой, начавшейся на рассвете, мы с командиром и заместителем по политической части наблюдали из окопа, оборудованного вблизи НП майора Шаталова, имея свои командирские танки в укрытиях. Обрадовало, что пришли две четверки Ил-2 и нанесли удар по опорным пунктам в Симонове и на высоте "Свеча".

Вскоре начался снегопад и усилился встречно-боковой ветер. Видимость резко уменьшилась. Начав движение, командиры рот доложили о залеживании снегом оптики. Он шел "зарядами" и, например, справа от нас, в полосе соседа видимость была лучше. При приближении танков к переднему краю открылась правая часть полосы, а левая - лишь в ходе атаки. Но этого было достаточно, чтобы четыре левофланговых танка 1-й танковой роты отклонились влево, к нашему переднему краю, расположенному в низине. А штурмовики на поддержку атаки уже не вылетели до конца дня.

Следуя за стыком рот, наблюдал, как в момент выхода танков к первой траншее противника до десятка его противотанковых орудий открыли огонь. Среди них выделялся впервые мною наблюдавшийся трескуче-воющий полет раскаленных желто-красных снарядов с необычно большой скоростью. И вскоре впереди вспыхнули один за другим три танка Т-34, а спустя несколько минут - еще два были подбиты. В числе подбитых оказался и танк командира 1-й танковой роты старшего лейтенанта Наконечного, который выбыл из строя, будучи раненым.

Так за считанные минуты половина танков первого эшелона была потеряна. Попытка связаться с командиром заблудившегося взвода результата не дала: он не отвечал.

- Противотанковые пушки фашистов за второй траншеей, их надо бить всей артгруппой, - докладывал я по радио командиру полка, продвигавшемуся на своем танке правее 200-300 метров.

- Да, вижу! Наш дивизион перенес туда огонь. Дал заявку Шаталову.

За вторым эшелоном танков атаковали оба стрелковых батальона, но остановились после захвата первой траншеи гитлеровцев, так как из второго эшелона танков загорелись четыре машины. Десант с потерями спешился и залег. Оказался подбитым и танк командира 2-й танковой роты, а старший лейтенант Тулейкин был тяжело ранен. Как больно было расставаться со смелым и умным командиром-танкистом, дружеские симпатии к которому родились в танковых атаках!

Часть этих событий видел уже в ходе собственной беды. Стремясь видеть бой на всем фронте полка и наладить управление сохранившимися танками, дважды проходил вдоль фронта. При втором проходе борт моего танка, на месте моторного отделения, пробил бронебойный снаряд. Танк встряхнуло.

- Вперед, в воронку! - скомандовал мехводителю.

Он успел спустить в нее танк, используя инерцию движения. А я доложил подполковнику Ершову:

- Танк покидаю, горит!

Когда открыли люки, пламя проникло в боевое отделение, но лишь подпалило нам волосы вокруг шлемофонов и брови. С помощью бортовых огнетушителей пожар удалось потушить, но двигатель и его системы вышли из строя.

Перебежками, скорее похожими на прыжки вперемешку с шагом из-за глубокого снега, вышел к танку командир полка. Иван Николаевич напрягал усилия по восстановлению управления, так как были потеряны три командирских танка из пяти. Настроение у нас было донельзя тяжелое. За какой-то час не стало половины средних танков!

- Вот оно, мать твою, обещанное артиллерийское наступление! Вся вражеская оборона цела! - возмущенно кричал командир полка.

Я слышал и не слышал его крик, так как был в шоковом состоянии.

- Обатурьч, ты что, не слышишь меня? - кричал из люка башни подполковник Ершов.

- Что?

- Давай ко мне в танк, будем вместе управлять по двум радиостанциям. Вот приказал роте Т-70 выйти в затылок стрелковым батальонам. Заблудившийся взвод вам ответил?

Этот вопрос отчасти вернул меня к реальности.

- Пойду, найду и выведу его в боевой порядок.

- Да как вы к нему попадете? Ведь там ровное снежное поле, без кустов, все простреливается. Подождите ночь.

- Танки нужны сейчас. Пойду пешком, - на ходу машинально ответил я, даже не пытаясь получить разрешение идти.

Шел по следу одного из танков, пока не щелкнула рядом пуля; она окончательно привела меня в чувство. "Снайпер!" - подумал я.

Куцыми перебежками, петляя и сразу отползая от места падения в снег, добрался до танков, а снайперские пули часто ложились на те места, где падал. Лишь вечером понял нелепость своего поступка, рожденного отчаянием. Если бы не убили, а лишь ранили, то все равно в том поле оказать помощь было некому.

В неглубоком овраге стояли четыре танка, не просматривавшиеся со всех сторон, стволами пушек в сторону противника.

- Как вы сюда попали? - спрашиваю командира взвода, младшего лейтенанта лет девятнадцати.

- Заблудились в пурге, товарищ капитан.

- Доложите азимут движения в атаку, - обращаюсь к механику-водителю.

- 240, товарищ капитан.

- Почему не смотрели на гирополукомпас? Молчание.

- Струсили? Почему не отвечали по радио?

- Никак нет, - со страхом и растерянностью отвечал молодой командир, первый раз ведший взвод в настоящую, а не учебную атаку. - Я слышал, а меня не слышали, так как была сбита антенна.

- Почему не перешел на другой танк?

- Не догадался.

Диалог становился бесполезным. Не он первый из командиров-юнцов растерялся в атаке. Почти все такие в последующих боях преображались, обретали уверенность, а с нею и смелость. Так не тащить же его в трибунал!

Заняв место командира головного танка, вывел машины к КП 1234-го полка. А к 16 часам из эвакуированных были отремонтированы еще четыре танка Т-34. Этими силами и танками Т-70 во второй линии была поддержана повторная атака стрелкового полка в направлении южной окраины Симонова. Танки достаточно быстро достигли ручья западнее урочища Шкурасино, разрушили несколько ДЗОТов в деревне и на высоте "Свеча", подавили и уничтожили до десятка пулеметных точек. Здесь танки нами были остановлены до подхода пехоты; она вышла на этот рубеж к наступлению темноты. Огонь противотанковых средств противника был слабее утреннего, видимо, из-за потерь, но все же фашисты подбили еще три танка Т-34.

В повторной атаке я вел управление с танка заместителя командира полка по политической части. В сумерках в районе урочища Шкурасино танк подорвался на mine: разорвало гусеницу и выбило каток с подвеской. В ходе пополнения танков боеприпасами передвигался на танке Т-70.

Сосед справа - 1232-й стрелковый полк с 3-м гвардейским, тяжелым танковым полком первоначально имели успех: 15 танков КВ и до 25-ти автоматчиков к тринадцати с половиной часам захватили Симоново, но стрелковые подразделения продвинуться туда не смогли. В ночь на 16-е февраля гитлеровцы осуществили контратаку значительными силами пехоты в сопровождении штурмовых орудий при сильной поддержке артиллерией. Танковый полк, не имея пехотного прикрытия и понеся большие потери, отошел к пехоте.

Сосед слева - 87-й стрелковый полк 26-й стрелковой дивизии с 56-м танковым полком продвинулись к лесу 1,5 километра северо-восточнее Малого Степанова, отбили несколько контратак и закрепились на достигнутом рубеже, потеряв немало танков.

В нашем полку сгорело семь и было подбито десять средних танков, в том числе четыре из пяти командирских. Выбыли из строя наиболее опытные командиры и политработники из первого и второго составов полка.

Подводя итоги боевого дня, мы признали, что управление в 1-й танковой роте было нетвердым, вследствие чего в момент временного ослепления четыре танка из десяти заблудились. Однако главная причина драмы состояла в несоответствии сил и средств той цели, которая ставилась перед наступлением. Это не только невыгодное соотношение сил, но и острый недостаток артиллерийских боеприпасов.

Перед вечерней встречей с комдивом я сказал капитану Бескорвайному:

- Сегодня фашисты стреляли из орудий, снаряды которых летели раскаленные и с необычно большой скоростью. Они пробили на ряде танков даже лобовую броню. Как бывший разведчик, что ты скажешь?

Он достал справочник, посмотрел несколько таблиц, сделал против одной из строк пометку и указал мне.

- Вот, наверное, из этих орудий стреляли.

Пометка стояла против 88 миллиметровой зенитной пушки.

- Да, бесспорно, этими зенитными пушками фрицы жгли сегодня нас. Смотрите, какой длинный ствол - 56 калибров, а начальная скорость снаряда - 780 метров в секунду!

Для дальнейшего наступления мы теперь располагали шестью танками Т-34, включая танк командира, и одиннадцатью Т-70⁵¹. В конце суток командир дивизии, имея резко подтаявшие силы, решил на следующий день поддержать наступление одного, 1232-го стрелкового полка обоими танковыми полками с тем, чтобы овладеть селом Симонове

Короткий отдых в ночь на 16-е февраля провел в землянке продвинувшихся вперед стрелков; ее приглядели для ужина и обогрева те танкисты, которым посчастливилось выйти невредимыми из подбитых и сгоревших танков, а ночью заняться эвакуацией. За ужином скуповато говорили о прошедшем бое.

- В нашем экипаже механика ранило, а вот башнер погиб, - с болью в голосе сказал младший лейтенант, командир танка.

- В танке погиб командир-то башни? - спросил я.

- Да нет. Мы через башню вытащили раненого механика и когда отползали, то осколок снаряда или мины попал башнеру в голову. По дороге в медпункт он и умер.

После паузы, отпив чай, продолжал:

- Хороший товарищ и смелый человек был Гриша, здорово стрелял. Успел два ДЗОТа разрушить. Из Ростова он. Отец его погиб на фронте, а мать эвакуироваться не успела. Позавчера, когда узнал, что Ростов наш, от радости прыгал и сразу написал письмо. Теперь вот за письмом - извещение о гибели.

- Неизвестно еще, что стало с матерью. Может, похоронку и получать некому? - со вздохом произнес кто-то.

- Мы с ним обменялись адресами. Есть второй адрес, родственницы в Астрахани.

- Извещение надо сразу в два адреса слать, - посоветовал я.

- И то верно. Только не знаю, когда смогу второй адрес передать в штаб полка.

Я взял у него записку с адресом и следующим утром направил в штаб полка.

Экипажи ушли, а мне во время короткого беспокойного сна грезилась сотни разрывов, горящие танки, где я то выскакивал из пламени, то тащил из него кричащего Гришу...

С 10-ти часов 16-го февраля танковые полки перешли в атаку: 3-й тяжелый (четырьмя танками КВ) - в направлении северной, наш 239-й (пятью Т-34 и тремя Т-70) - южной окраины Симонова. Остальные танки Т-70 наступали во второй линии и имели десант стрелков. Через полчаса танки обоих полков подошли на 150-200 метров к селу, обстреливая цели в опорных пунктах в нем и на высоте "Свеча". Лишь во второй половине дня смогла выйти на рубеж, занятый танками, пехота 1232-го полка. И неудивительно: если противотанковый огонь в этот день по сравнению с предыдущим днем был слабее, то артиллерийско-минометный и стрелково-пулеметный не менее мощным. На рубеже, занятом танками, снег почернел от разрывов снарядов и мин.

По просьбе подполковника Ершова полку был выделен командирский танк КВ, в котором мы с ним и следовали за боевым порядком, а на командирском Т-34, на некотором удалении сзади, работал на радиостанциях начальник связи. В оптический прицел была видна масса огня всех видов, и без надежного подавления огнем артиллерии опорных пунктов, артиллерийских и минометных батарей противника продвижение стало невозможным. Огонь нашей артиллерии был несравнимо слабее.

И в этот именно момент, когда требовалось передать координаты целей, артиллерийский НП на Т-70 перестал отвечать по радио.

- Я перейду на ваш танк Т-34, разыщу артиллерийский НП и поставлю ему задачу, - предложил я командиру полка.

- Правильно. Сейчас я подам команду начальнику связи приблизиться к нам, и вы переходите.

Вскочив из танка, я перебежками от воронки к воронке направился навстречу тридцатьчетверки. Вокруг рвались мины. До танка было уже недалеко, когда упал от сильного удара по бедру правой ноги. Нога ниже колена стала малочувствительной. В голове - туман, все вокруг плывет и качается... Дополз до ближайшей воронки, стащил валенок, поднял штанину брюк и увидел струю крови, лившуюся из нижней трети правого бедра, выше подколенной ямки, быстро разорвал перевязочный пакет, концом бинта заткнул отверстие и туго перетянул им бедро выше раны. Когда стал натягивать валенок, подбежал экипаж из подошедшего танка, и затащил меня в него.

- Найдите артиллерийский НП и свяжите его с командиром полка, - крикнул начальнику связи.

- Понял!

Танк с наблюдательным пунктом нашли быстро. У него оказалась сбитой антенна. Экипаж передал свою запасную, и командир полка услышал НП. А меня в танке доставили в медпункт, передав командиру полка о случившемся.

Из восьми атаковавших в этот день танков, полк потерял четыре сгоревшими и два подбитыми. Получил небольшую контузию, но остался в строю командир полка. Были ранены начальники связи и химической службы, командиры взводов, исполнявшие обязанности командиров рот. А всего за два дня мы потеряли убитыми и ранеными 60 человек, в основном из состава экипажей, в том числе 28 командиров и политработников. Среди убитых и раненых было 15 коммунистов.

Дальнейшего продвижения 370-я стрелковая дивизия не имела. Безуспешные атаки ее и соседней продолжались до 19-го февраля.

То, что не предвидело наше командование, в эти дни произошло. Как бы враг не сопротивлялся, угроза окружения его группировки нарастала. Кроме того, поражения на юге побуждали гитлеровское командование экономить силы. Все это его вынудило в период с 19-го по 28-е февраля отвести войска с плацдарма за реку Ловать.

Итак, Демянский плацдарм, удерживавшийся немецко-фашистскими войсками почти полтора года, перестал существовать, однако отсечь и уничтожить занимавшую его группировку не удалось. Причины этого, зависевшие от наступавших войск, изложены выше в том понимании, какое было у меня, моих однополчан и взаимодействовавших с нами командиров в те дни. В послевоенное время вскрылись другие, не менее существенные причины, которые не зависели от войск. Но рассмотрение их уже выходит за рамки воспоминаний.

Вернусь к событиям, последовавшим за ранением. Сопровождал в полевой госпиталь в санитарной машине с другими ранеными и меня старший врач полка Иван Семенович Мышанский. В пути наступило забытье...

Очнулся в землянке на нарах, одетый во все то, в чем был в бою. Нестерпимо хотелось пить. Попытался закурить, но не оказалось спичек. Всмотриваясь в пространство, освещавшееся маленьким оконцем возле двери, понял, что справа и слева от меня тоже лежат люди. Решил попросить спички. Оказалось, однако, что тот и другой уже не дышат.

Вошла молодая женщина в белом халате и зажгла керосиновый фонарь.

- Сестрица, где я? Спичек бы мне, - обратился лежа к ней, не имея сил подняться.

- Еще один живой! - воскликнула она и убежала.

И тут же вернулась с двумя красноармейцами и носилками.

А затем в палате-землянке, ярко освещенной от полевого мотозлектрогенератора, сначала влили мне кровь, затем под наркозом сделали операцию. Когда в палате для раненых, подготовленных к эвакуации, пришел в себя после наркоза, подошел врач, улыбнулся и спросил:

- Как гипс?

Тут я увидел, что вся правая нога - в гипсе до паха.

- Стопа правой ноги, доктор, плохо слышит, как в чулке, но ее сильно печет, наверное, от гипса, - ответил я.

- Вы нуждаетесь в сложной операции. Кость правого бедра на две трети толщины раздроблена, надо удалить металлические и костные осколки и все то, что они занесли. Главная же беда в том, что, видимо, перебит седалищный нерв. Я очистил рану от кусков ткани и ваты брюк, наложил гипс и предельно подтянул им стопу вверх. Основная операция - в тыловом госпитале. Следите и требуйте, чтобы гипсом стопу предельно подтягивали вверх. При таких ранениях стопа отвисает вниз, образуется так называемая "конская стопа". Она ограничивает движение, ее высоко поднимают и бросают вперед. Приходилось ли вам это видеть?

- Да, был в техникуме, где я учился, один студент с такой ногой.

- И как?

- Инвалид!

- Вот именно. А если у вас образуется верхняя контрактура, то будете довольно сносно передвигаться, даже бегать. Поверьте мне, как нейрохирургу. А к боли теперь уж надо привыкать.

- Спасибо, доктор, буду следовать вашему совету. Оказалось, что встреча с этим человеком была для меня счастьем. Немало лет я помнил фамилию этого военного врача, но все же забыл. Разве только спасибо он заслужил от меня за свой бесценный совет! Благодаря ему я остался в воинском строю на многие годы. С этим ранением прошел еще через две операции и каждый раз перед ними просил подтягивать гипсом стопу, а затем, отойдя от наркоза, придиричиво проверял.

Лечился в специализированном нейрохирургическом госпитале, развернутом на базе института усовершенствования врачей в Казани, где раненые были под наблюдением известных тогда нейрохирургов профессоров Гусынина и Русецкого. Когда был снят гипс, профессор Гусынин сам восхитился состоянием моей стопы, а также свободной походкой и сказал:

- С подобными ранениями всех можно делать такими, как вы. Беда в том, что к нам они попадают тогда, когда ахиллово сухожилие сократилось, стопу оттянуло и уже ничего сделать нельзя.

А сколько было доброй зависти у воинов, имевших такие же ранения, но получивших "конскую стопу"! В ходе последующей многолетней службы немногие знали, что моя правая нога ниже колена не действует и лишена чувствительности.

И все-таки, от лечащего врача до начальника госпиталя, на мой вопрос, буду ли выписан в строй, давали один ответ: исключено. А это значило, что вместо фронта - служба в тылу, а после войны - отставка, что никак не устраивало меня.

Поправляясь, искал выход. Тут стали отправлять очередную группу выздоравливающих в госпиталь на реке Каме, где до войны функционировал санаторий "Ижминвод". Попросился и я. Расчет был на то, что новые врачи не будут разбираться с тяжестью и тонкостями ранения 28-летнего человека, свободно двигающегося и бегающего; появится шанс возвратиться в строй.

Так и произошло. Вскоре после прибытия подобрал двух молодых выздоравливающих, немного знакомых с партерной гимнастикой. В течение двух недель мы отработали до десятка групповых комбинаций и выступили на вечере самодеятельности. Начальник госпиталя была в восторге:

- Ай да орлы! Молодцы! Думаю, и в бою вы так будете выглядеть.

- Да, вы украсили своим выступлением наш вечер, - с похвалой говорил заместитель по политической части.

После этого уже не стоило большого труда при выписке получить справку с заключением: "Годен к строевой службе".

Пришлось пробыть в госпиталях более семи месяцев, в течение которых положение на фронтах решительно изменилось в нашу пользу, что радовало всех. Уже остались позади крупнейшие сражения под Курском и широкое наступление к Днепру, его форсирование во многих местах. Неучастие в них, хотя и вынужденное, угнетало.

С другой стороны, в течение этих госпитальных месяцев свежо чувствовались боевые события под Старой Руссой. Переписываясь с командирами штаба, в частности, с майором И. Г. Кириллиным, знал обстановку в полку...

Иван Николаевич Ершов стал полковником, в том же, 1943-м году, был тяжело ранен, а с начала 1944-го года командовал гвардейской танковой бригадой. В феврале 1945-го года по состоянию здоровья и его просьбе был назначен начальником военной кафедры Нижнетагильского индустриального института. В 1947-м году был уволен в отставку по болезни.